

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2023
4(40)

ISSN 2587-9472
Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 4 (40)' 2023

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права

*Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик
Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии.*

Заместитель главного редактора

Алешукина С.А.,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности
Тверского государственного университета.*

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;*

Бандурина Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Гущин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Одицовского филиала Московского государственного института международных отношений (университета) Министерства иностранных дел РФ;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федюнин А.Е., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии.*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОИСКА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОРИЕНТИРОВ	5
<i>Апольский Евгений Александрович</i>	

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

О ПРАВЕ НАРОДОВ НА МИР В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. Статья вторая	11
<i>Бабурин Сергей Николаевич</i>	
ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ РАЗГЛАШЕНИЯ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ.....	18
<i>Колонтаевская Ирина Федоровна</i>	
СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В КОНСТИТУЦИИ КНР	25
<i>Чжоу Хэн</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

ДОМАШНИЙ АРЕСТ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА	30
<i>Геранин Виталий Владимирович, Мальцева Светлана Николаевна</i>	
ВЛИЯНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ НА РАЗВИТИЕ ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УРАЛА В 1935–1940 гг. АТЛЯНСКАЯ КОЛОНИЯ	36
<i>Евсеев Иван Валентинович</i>	
УГОЛОВНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ.....	42
<i>Лун Чанхай</i>	

СУДОПРОИЗВОДСТВО. ПРОКУРОРСКАЯ И ПРАВООЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ	49
<i>Туманова Лидия Владимировна, Алешукина Светлана Александровна</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

STRUCTURE OF THE RUSSIAN NATIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS IN CONDITIONS OF THE SEARCH FOR CIVILIZATIONAL LANDMARKS.....	5
<i>Apolsky E.A.</i>	

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

ON THE RIGHT OF PEOPLES TO PEACE IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF INTERNATIONAL LAW. Article two.....	11
<i>Baburin S.N.</i>	
LIMITS ON THE PERMISSIBILITY OF DISCLOSURE MEDICAL CONFIDENTIALITY.....	18
<i>Kolontaevskaya I.F.</i>	
COMMUNITY OF COMMON DESTINY FOR MANKIND IN THE CONSTITUTION OF THE PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA.....	25
<i>Zhou Heng</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

HOUSE ARREST: THE CONCEPT AND LEGAL NATURE	30
<i>Geranin V.V., Maltseva S.N.</i>	
THE INFLUENCE OF REGULATIONS ON THE DEVELOPMENT OF LABOR INSTITUTIONS IN THE URALS IN 1935–1940. ATLYAN PENAL COLONY	36
<i>Evseyev I.V.</i>	
CHINA’S ANTI-CORRUPTION CRIMINAL LEGAL NORMS AND INTERNATIONAL COOPERATION	42
<i>Long Changhai</i>	

LEGAL PROCEEDINGS. PROSECUTORIAL AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES

SOME ISSUES OF JUDGES DISCIPLINARY RESPONSIBILITY.....	49
<i>Tumanova L.V., Aleshukina S.A.</i>	

УДК 340.12

СТРУКТУРА РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВОСОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ ПОИСКА ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ОРИЕНТИРОВ

Апольский Евгений Александрович^{1,2},

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: apolski@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте,
филиал в г. Ростове-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, Россия,

²Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Ростов-на-Дону, Россия

Целью исследования является рассмотрение ключевых основ правоведения, а именно элементов его структуры, с учетом изменившихся геополитических, внутривнутриполитических, цивилизационных и идейно-ценностных условий развития современного российского государства и права. За основу взято ставшее классическим и выработанное в советском правоведении понимание правосознания как определенной совокупности представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей (наций, народа) к действующему и желаемому праву. Анализируются подходы к структуре правового сознания, в результате чего устанавливаются перспективы дальнейшего развития учения о правосознании, эвристический потенциал этого сложного социально-правового явления. Формулируется вывод о том, что для современной России критически важным является всесторонний учет социокультурных, правоментальных и теологических условий (факторов) развития правосознания. Указанные факторы способствовали формированию уникального правосознания соборного русского общества, что в современных условиях обнуляет все попытки «привить» отечественному социуму западные модели гражданского общества и правового государства.

Ключевые слова: правовое сознание, правовая психология, правовая идеология, правовые ценности, правовая культура

STRUCTURE OF THE RUSSIAN NATIONAL LEGAL CONSCIOUSNESS IN CONDITIONS OF THE SEARCH FOR CIVILIZATIONAL LANDMARKS

Apolsky E.A.^{1,2},

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: apolski@mail.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in the city of Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia,

²Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Rostov-on-Don, Russia

The purpose of the study is to consider the key foundations of jurisprudence, namely the elements of its structure, taking into account the changed geopolitical, internal political, civilizational and ideological and value conditions for the development of the modern Russian state and law. It is based on the understanding of legal consciousness, which has been developed in Soviet jurisprudence and become classical, as a certain set of ideas and feelings expressing the attitude of people, social communities (nations, people) to the current and desired law. Approaches to the structure of legal consciousness are analyzed, as a result of which prospects for the further development of the doctrine of legal consciousness and the heuristic potential of this complex socio-legal phenomenon are established. The author concludes that for modern Russia it is critically important to comprehensively take into account the sociocultural and theological conditions (factors) as well as legal mentality for the development of legal consciousness. These factors contributed to the forming of a unique legal consciousness of the conciliar Russian society,

which in modern conditions nullifies all attempts to “instill” Western models of civil society and the rule of law into the domestic society.

Keywords: legal consciousness, legal psychology, legal ideology, legal values, legal culture

DOI 10.21777/2587-9472-2023-4-5-10

Введение

События, происходящие в настоящее время на международной арене, непосредственным образом отражаются на внутривнутриполитической ситуации в России, оказывают давление на развитие практически всех сфер жизнедеятельности российского общества. Не является исключением и вся гуманитарная область, в первую очередь культура, образование, религия и, конечно же, право. Представители юридического сообщества, мыслящие в правильном направлении политики, уже неоднократно высказывались о том, что сегодня у нас, наконец, появился шанс вернуться к собственным уникальным основам цивилизационного развития, освободиться от искусственно навязанных в 90-е гг. XX в. стереотипов и принципов государственного строительства, вновь осознать важность учета сформированных многими столетиями ранее архетипов, правоментальных установок на пути укрепления традиционных ценностей и достижений всего цивилизационного развития.

В этом смысле абсолютно прав профессор С.Н. Бабурин, в течение многих лет выступающий за признание важности теоцентрического построения культуры. Действительно, культура может быть либо традиционной (теоцентричной), либо модернистской и антропоцентричной [1, с. 13], а в настоящее время большинство исследователей склоняются к незыблемости традиционных цивилизационных основ развития отечественной культуры. Право (как и образование) выступает элементом культуры, соответственно, с неизбежностью должны быть подвергнуты пересмотру узловые правовые институты и отрасли, которые в наивысшей степени подверглись искажению посредством слепого заимствования чуждых (как правило, западных) идеалов государственного и общественного развития.

Одним из ключевых элементов общей теории права, как известно, является правосознание, которое, с одной стороны, оказывает влияние на весь правотворческий и правоприменительный (шире – правореализационный) процесс, а с другой – само подвержено действию различных факторов.

Цель статьи – исследовать имеющиеся в отечественном юридическом дискурсе подходы к пониманию сущности и структуры правосознания с учетом новых условий геополитического и внутривнутриполитического развития нашего государства.

Постановка указанной цели обусловлена, в том числе, развитием законодательства Российской Федерации в русле «государства-цивилизации», о чем неоднократно высказывались Президент РФ В.В. Путин и руководители ключевых государственных органов. Дело в том, что на сегодняшний день, учитывая имеющиеся внешнеполитические условия и внутренние факторы, практически во всех сферах жизнедеятельности становится очевидной необходимость учета традиционных основ формирования общественных структур, национальных идей в процессе государственного строительства. Ключевую роль здесь играют давно обсуждаемые в российской науке традиционные ценности.

Знаковым событием в этом плане стало принятие Указа Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (далее – Указ № 809)¹. Примечательно, что данный документ фактически впервые в современной российской истории приводит определение понятия традиционных ценностей, относя к таковым нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

Приведенное определение, на наш взгляд, является оптимальным и проработанным, соответствует духу времени и тому историческому моменту, в котором находится наше государство. Вместе с

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2022. – № 46. – Ст. 7977.

тем Указ № 809 закрепляет и перечень традиционных ценностей, к которым отнесены жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Совершенно очевидным является тот факт, что сохранение указанных традиционных ценностей возможно лишь в обществе с высоким уровнем правовой культуры и правового сознания. Следовательно, именно правовое сознание, как представляется, выступает сейчас важнейшим компонентом (наряду с правовой культурой), который требует дальнейшей доктринальной разработки.

Доктринальные подходы к осмыслению сущности современного российского правосознания

Следует отметить, что юридическое экспертное сообщество в целом весьма оперативно отреагировало на стратегический поворот в сторону поиска национальных основ права, политики и экономики. В частности, в последние годы именно проблемам современного российского правосознания уделяется все больше внимания. В первую очередь, можно выделить многочисленные и блестящие исследования профессора С.Н. Бабурина, в которых поднимаются вопросы духовно-нравственных основ государства, разрабатывается концепция нравственного государства [2–4], определяются эффективные способы преодоления Россией цивилизационного кризиса [5], а также раскрываются иные актуальные аспекты.

Не отстают в данном направлении и представители южно-российской юридической школы, которые занимаются осмыслением ключевых аспектов правовой теологии в междисциплинарном дискурсе, исследуя влияние на современное национальное правосознание и правовую культуру (в том числе молодежи) религиозного правопонимания, религиозной философии права, юридического религиоведения, религиозной антропологии. Результатом научного поиска стала интереснейшая коллективная монография «Правовая теология в междисциплинарном дискурсе» [6], а также ряд квалификационных работ, в качестве самых заметных из которых, пожалуй, следует назвать докторскую диссертацию М.Д. Фоминской «Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли» [7] и кандидатскую диссертацию А.К. Оганесяна «Теократические идеи в государственно-правовых концепциях отечественных правоведов конца XIX – первой половины XX вв.», подготовленные в Южном федеральном университете [8].

Активно работают в направлении изучения ключевых основ правосознания и ученые из Северо-Кавказского федерального университета, результатом усилий которых стала публикация двух томов монографии, посвященной перспективам развития правосознания обучающихся в России в условиях внедрения инфокоммуникационных технологий [9; 10].

Ясно, что правосознание – это не просто «ключевая часть общественного сознания, но и важнейший фактор самоорганизации личности, сознательного ее поведения в семье, обществе, стране» [9, с. 3], а потому именно сегодня следует концентрировать усилия экспертного сообщества на теоретических и практических аспектах этого важного правового явления.

Подходы к пониманию структуры национального российского правосознания

Исходя из того, что под правосознанием традиционно (начиная еще с советского правоведения) понимается некая совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей (классов, наций, народа) к действующему и желаемому праву², можно выделить его структуру. При этом представляется важным все же уход от упрощений в этом плане, когда, например, советские теоретики права в структуре правосознания длительное время выделяли лишь два элемента – правовую психологию и правовую идеологию.

² Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права: учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – С. 667.

Так, на сегодняшний день имеется позиция В.М. Сырых, который предлагает выделять трехэлементную структуру правосознания: правовая психология, правовая наука, правовая идеология. Многие ученые видят структуру как совокупность правового знания, правовой идеологии, правовой психологии, правовых установок³. В других случаях в структуру включаются правовая идеология, правовая психология, индивидуальные знания о праве, общепризнанные ценности индивида и его субъективная воля [9, с. 36].

Интересный подход к пониманию структуры правового сознания предлагает профессор Г.Б. Власова. По ее мнению, если структура правосознания тесно связана со структурой самого сознания, то элементы этого явления необходимо сгруппировать таким образом, что сознание может быть сведено к трем основным элементам – «рациональному, ценностному, эмоциональному» [10, с. 13]. Исходя из этой структуры, она ассоциирует рациональный компонент с правовой идеологией, а эмоциональный – с правовой психологией. Это же в большинстве своем предлагают и иные отечественные исследователи структуры правосознания. Наконец, правовая идеология, по ее мнению, есть разновидность рационального компонента правосознания, который состоит из различных идей, взглядов индивидов, формирующихся и проявляющихся в социуме исходя из вовлеченности субъектов права в политико-юридическую деятельность [Там же, с. 15].

Профессор Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского В.А. Рыбаков предлагает считать правосознание сложным правовым образованием, складывающимся из таких частей, как правовое отражение, правовое познание и правовое отношение.

Интересную позицию относительно структуры правосознания занимает профессор А.Ю. Мордовцев. Несмотря на то, что (по его собственному признанию) в своем учебнике им воспроизводится стандартная и во многом устаревшая двухэлементная структура⁴, все же сознание, как основа общей категории «правосознание», не может состоять из психологии и идеологии. Психология, по его мнению, является не психикой, а учением о психике (на это указывает сам термин *logos* – «мысль»), идеология же представляет собой некую данную сверху систему ценностей.

Анализ соотношения уровней и видов правосознания, а также особенностей мыслительных процессов в рамках отображения в сознании индивида объективной правовой действительности приводит профессора А.Ю. Мордовцева к выводу о том, что элементами правосознания следует считать:

- 1) правовое мышление (интеллектуальная часть правового сознания);
- 2) правовые ценности (чувственно-интеллектуальная часть правового сознания);
- 3) правовые образы;
- 4) правовые символы.

Заключение

Наличие столь разнообразных подходов к структуре правового сознания лишь подчеркивает неоднозначность, сложность и важность данного правового явления. Однако отсутствие единства взглядов на структуру не является упущением в развитии учения о правосознании, а, наоборот, есть позитивный (с точки зрения эвристического потенциала) момент.

Совершенно очевидно, что в условиях турбулентно изменяющейся геополитической ситуации для современной России критически важным является всесторонний учет социокультурных, правовоментальных и теологических условий (факторов) развития правосознания. Именно они в свое время способствовали формированию уникального правосознания соборного русского общества, и они же в современных условиях фактически обнуляют все попытки «привить» отечественному социуму западные модели гражданского общества и правового государства. Только обусловленный исконными архетипами и правовоментальными установками тип правосознания должен быть положен в основу процесса дальнейшего государственного строительства в Российской Федерации.

³ Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юстицинформ, 2004. – С. 135.

⁴ Любашиц В.Я., Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Теория государства и права: учебник. – 2-е изд., доп. и перераб. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – С. 665–668.

Список литературы

1. *Бабурин С.Н.* Место юридического образования в цивилизационной культуре // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2023. – № 2. – С. 12–18.
2. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма: монография / предисл. И.М. Рагимова. – Москва: Норма, 2023. – 536 с.
3. *Бабурин С.Н.* Духовно-нравственная основа правовых и политических сущностей // История государства и права. – 2022. – № 1. – С. 17–24.
4. *Бабурин С.Н.* Нравственная трансформация государственных институтов и институций как альтернатива кибергизации человечества // История государства и права. – 2021. – № 9. – С. 18–22.
5. *Бабурин С.Н.* Начало преодоления Россией цивилизационного кризиса – в эффективности образования и науки // Цивилизация знаний: российские реалии. Цивилизационные задачи современного правоведения: наука, образование, практика (стратегическая панель): сб. тр. XXIII Междунар. науч. конф. – Москва: Российский новый университет, 2022. – С. 7–18.
6. *Баранов П.П., Батиев Л.В., Бойко А.И.* [и др.]. Правовая теология в междисциплинарном дискурсе: монография / отв. ред. А.И. Овчинников. – Москва: РГ-Пресс, 2023. – 544 с.
7. *Фоминская М.Д.* Идея достоинства личности и прав человека в христианской правовой мысли: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Ростов-на-Дону, 2021. – 480 с.
8. *Оганесян А.К.* Теократические идеи в государственно-правовых концепциях отечественных правоведов конца XIX – первой половины XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.1. – Ростов-на-Дону, 2023. – 33 с.
9. *Волков А.А., Дроздова А.М., Ковалев В.В.* [и др.]. Российское правосознание обучающихся в условиях внедрения инфокоммуникационных технологий: монография / под общ. ред. А.М. Дроздовой. – Москва: ИНФРА-М, 2021. – Т. 1. – 211 с.
10. *Власова Г.Б., Дроздова А.М., Ковалев В.В.* [и др.]. Исследование актуальных проблем уровня и формирования правосознания и правовой культуры современной студенческой молодежи: монография / под общ. ред. А.М. Дроздовой. – Москва: ИНФРА-М, 2022. – Т. 2. – 260 с.

References

1. *Baburin S.N.* Mesto yuridicheskogo obrazovaniya v civilizacionnoj kul'ture // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2023. – № 2. – S. 12–18.
2. *Baburin S.N.* Nravstvennoe gosudarstvo. Russkij vzglyad na cennosti konstitucionalizma: monografiya / predisl. I.M. Ragimova. – Moskva: Norma, 2023. – 536 s.
3. *Baburin S.N.* Duhovno-nravstvennaya osnova pravovyh i politicheskikh sushchnostej // Istoriya gosudarstva i prava. – 2022. – № 1. – S. 17–24.
4. *Baburin S.N.* Nravstvennaya transformaciya gosudarstvennyh institutov i institucij kak al'ternativa kiber-gizacii chelovechestva // Istoriya gosudarstva i prava. – 2021. – № 9. – S. 18–22.
5. *Baburin S.N.* Nachalo preodoleniya Rossiej civilizacionnogo krizisa – v effektivnosti obrazovaniya i nauki // Civilizaciya znaniy: rossijskie realii. Civilizacionnye zadachi sovremennogo pravovedeniya: nauka, obrazovanie, praktika (strategicheskaya panel'): sb. tr. XXIII Mezhdunar. nauch. konf. – Moskva: Rossijskij novyj universitet, 2022. – S. 7–18.
6. *Baranov P.P., Batiev L.V., Bojko A.I.* [i dr.]. Pravovaya teologiya v mezhdisciplinarnom diskurse: monografiya / отв. red. A.I. Ovchinnikov. – Moskva: RG-Press, 2023. – 544 s.
7. *Fominskaya M.D.* Ideya dostoinstva lichnosti i prav cheloveka v hristianskoj pravovoj mysli: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. – Rostov-na-Donu, 2021. – 480 s.
8. *Oganesyan A.K.* Teokraticheskie idei v gosudarstvenno-pravovyh koncepciyah otechestvennyh pravovedov konca XIX – pervoj poloviny XX vv.: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 5.1.1. – Rostov-na-Donu, 2023. – 33 s.
9. *Volkov A.A., Drozdova A.M., Kovalev V.V.* [i dr.]. Rossijskoe pravosoznanie obuchayushchihsya v usloviyah vnedreniya infokommunikacionnyh tekhnologij: monografiya / pod obsch. red. A.M. Drozdovoj. – Moskva: INFRA-M, 2021. – T. 1. – 211 s.

10. *Vlasova G.B., Drozdova A.M., Kovalev V.V.* [i dr.]. Issledovanie aktual'nyh problem urovnya i formirovaniya pravosoznaniya i pravovoj kul'tury sovremennoj studencheskoj molodezhi: monografiya / pod obshch. red. A.M. Drozdovoj. – Moskva: INFRA-M, 2022. – T. 2. – 260 s.

УДК 327.5+341.3+342

О ПРАВЕ НАРОДОВ НА МИР В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА. Статья вторая¹

Бабурин Сергей Николаевич^{1,2,3,4,5},

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный юрист Приднестровской Молдавской Республики, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии,
e-mail: 1357343@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия,

³Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия,

⁴Донецкий государственный университет, г. Донецк, Россия,

⁵Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Россия

При анализе права народов на мир рассматриваются вопросы преемственности идей и принципов римского публичного права, отражение данной преемственности в процессах трансформации международного права. Аргументируется значимость таких угроз праву народов на мир, как паралич привычных международно-правовых форм, планетарный масштаб борьбы ценностных приоритетов, обострение цивилизационного противостояния народов. В международном праве идет подлинная война смыслов. Кризис международного права означает не простое неисполнение его норм, а деформацию смыслов ранее исправно работавших международно-правовых взаимных обязательств государств, приводящую международное право в состояние прострации. На лидирующие позиции выходят государства и общества, опирающиеся на свои самобытные традиционные духовно-нравственные и религиозные ценности. Обосновывается, что в новых условиях право народов на мир может быть реализовано только на принципах многополярного мироустройства.

Ключевые слова: государство, международное право, традиционные ценности, Россия, Запад

ON THE RIGHT OF PEOPLES TO PEACE IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF INTERNATIONAL LAW. Article two

Baburin S.N.^{1,2,3,4,5},

Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist Worker of the Russian Federation, Honored Lawyer of Transnistria, Honorary Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Foreign Member of the Academy of Sciences of Abkhazia,
e-mail: 1357343@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

³Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia,

⁴Donetsk State University, Donetsk, Russia,

⁵Kemerovo State University, Kemerovo, Russia

When analyzing the right of peoples to peace, the issues of continuity of ideas and principles of Roman public law, the reflection of this continuity in the processes of transformation of international law are considered. The significance of such threats to the right of peoples to peace as the paralysis of the usual international legal forms, the planetary scale of the struggle of value priorities, the aggravation of the civilizational confrontation

¹ Примечание. Приводится завершающая часть доклада С.Н. Бабурина, подготовленного на IV Евразийский семинар по римскому праву «Римское право против конфликтов» (14 сентября 2023 г., г. Сараево, Республика Босния и Герцеговина). Решением властей г. Сараево приехавшему автору запретили участвовать в международном форуме, обосновав это его русскими политическими взглядами и поддержкой православных сербов «во все времена».

of peoples is argued. In international law there is a real war of meanings. The crisis of international law does not mean a simple failure to comply with its norms, it is expressed in the deformation of the meanings of the previously properly working international legal mutual obligations of states, leading international law into a state of prostration. States and societies based on their original traditional spiritual, moral and religious values are taking the leading positions. It is substantiated that in the new conditions the right of peoples to peace can be realized only on the principles of a multipolar world order.

Keywords: state, international law, traditional values, Russia, West

DOI 10.21777/2587-9472-2023-4-11-17

Potentia debet serqui justitiam, non antecedere, как утверждали римляне. Первая задача справедливости, подчеркивал великий Цицерон, заключается в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием [1, с. 304]. Именно стремлением к безопасности и справедливости следует объяснять действия России в отношении Украины в 2014–2022 гг., вынужденной для ликвидации угрозы, исходившей от неонацистского режима, сложившегося после переворота 2014 г., применить силу, развернуть полномасштабные военные действия ради не только своей самозащиты, но и спасения миллионов людей, установления справедливого миропорядка. Как требовали древние, преимущественной обязанностью опекуна является не оставлять подопечного без защиты (D. 26. 6. 30)¹. По библейской заповеди, Спаситель, подчеркивая важность искупления грехов, сказал: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч» (Евангелие от Матфея: 1.10.34).

При продолжающемся нарастании фактора новых акторов мировой политики – наднациональных финансовых и экономических игроков, транснациональных и трансграничных политических странств, структур глобального гражданского общества и корпоративного бизнеса – ключевыми источниками экономических успехов тех или иных стран, основой развития потенциала любой модернизации выступают неисчерпаемые культурные ресурсы [2, с. 224].

Когда Президент РФ В.В. Путин отмечает, что Россия, будучи самостоятельной, самобытной цивилизацией, никогда не считала и не считает себя врагом Запада, то речь идет о традиционном, классическом Западе как синониме Европейской цивилизации, о Западе традиционных, прежде всего христианских, ценностей, свободы, патриотизма, богатейшей культуры, теперь уже и исламских ценностей тоже – значительная часть населения многих стран Запада исповедует ислам. Однако той Европы, того классического Запада уже нет, хотя окреп и пытается расширяться другой Запад – агрессивный, космополитический, неоколониальный, выступающий как орудие неолиберальных элит. С диктатом именно этого Запада, как подчеркивает Президент РФ В.В. Путин, Россия, конечно же, никогда не смирится².

Запад утверждает, что именно его культура и мировоззрение должны стать универсальными. Как отмечал Марк Туллий Цицерон, *cujusvis hominis est errare, nullius, nisi insipientis in errore perseverate*³. Президент РФ В.В. Путин заявляет, что западные элиты превратились в символ тотальной беспринципной лжи⁴, и у него есть на это основания. Запад не только поддерживал террористов на территории России, но и во многом взрастил эту угрозу. Помимо расширения НАТО к границам России и даже на ее исторические территории, что являлось циничным нарушением прямых обещаний Запада, данных в 1990 г. при объединении Германии, следует отметить односторонний выход США из соглашений в сфере вооружения, включая ракеты средней и меньшей дальности, разрыв в одностороннем порядке многих основополагающих соглашений, поддерживавших мир на планете, отказ в декабре 2021 г. от заключения договоров о гарантиях безопасности.

¹ Примечание. Здесь и далее нормы Дигест Юстиниана приводятся по: Дигесты Юстиниана: в 8 т. / отв. ред. Л.Л. Кофанов. – Москва: Статут, 2002–2006.

² Выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 29.07.2023). – Текст: электронный.

³ Примечание. Переводится с латинского на русский язык как «Каждому человеку свойственно заблуждаться, упорствовать в заблуждениях свойственно глупцу». См.: Цицерон М.Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / предисл. Е.И. Темнова. – Москва: Мысль, 1999. – С. 40.

⁴ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию (21 февраля 2023 г.). – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 29.07.2023). – Текст: электронный.

Когда попытки максимальной лояльности Западу, свойственные российской власти начала президентства В.В. Путина, встретили вместо встречного движения доверия наращивание западными соседями угроз на границах России, когда тема прав человека, расшатавшая в свое время самосознание граждан СССР, стала использоваться для растления российского общества, последовали конституционная реформа Российской Федерации 2020 г. и специальная военная операция России 2022 г. Как под самой скромной наружностью скрывается иной раз величайшая храбрость, так и тонкая политика часто надевает личину величайшего простодушия, писал В. Скотт⁵. Мы рекомендовали бы именно так относиться и к действиям Президента РФ В.В. Путина.

При многочисленных заявлениях о мире Запад в 2015 г. руками неонацистского политического режима Украины вновь предпринял попытку прямой атаки на русский Донбасс, при этом продолжая блокаду, обстрелы, террор в отношении мирных граждан. Такие действия, напоминает Президент РФ В.В. Путин, полностью противоречили принятым Советом Безопасности ООН соответствующим документам и резолюциям⁶. Запад – государства Европы и США – делал вид, что ничего не происходит.

Опасность для человечества заключается не только в агрессивности Запада, хотя в результате войн, которые развязали США после 2001 г., погибли почти 900 тыс. человек, более 38 млн стали беженцами⁷, но и в том, что нарастает глобальная угроза спасению души человека. Результаты математического моделирования природных процессов после применения ядерного оружия, осмысление того, что в результате «ядерной зимы» погибнут и победители, и побежденные, заставили руководителей США и СССР сесть за стол переговоров о ядерном разоружении. Математическое моделирование социального развития на основе приоритета западного образа жизни привело к выводу о том, что человечество может погибнуть в 30–50-е гг. XXI в. без всякой ядерной войны, в результате конфликта с природой и этической деградации самого человека. Именно однозначность такой перспективы заставила руководство России пойти в 2020 г. на национальную конституционную реформу, а в феврале 2022 г. приступить к вооруженной цивилизационной самозащите.

Жизнь многократно показала, что само по себе отсутствие войн не является гарантией спокойной и успешной мирной жизни. Вызовы и угрозы человечеству заключаются не только в войнах и вооруженных конфликтах.

В XX в. в мире, как минимум со времен первого доклада Римского клуба, сложилось понимание нарастания конфликта между человечеством и природой. Сформировалось устойчивое общественное стремление передать будущим поколениям экологически чистую, безопасную планету со справедливыми, устойчивыми и миролюбивыми обществами. Пути к этому виделись через повышенное внимание к вопросам экологии и возобновляемой энергии, зеленой экономики, социальной стабильности.

Президент РФ В.В. Путин уже давно характеризовал ситуацию в мире как мировоззренческий, цивилизационный кризис, разрушающий нравственность как проявление общественной сущности человека. Нравственные принципы направлены на ограничение сферы автоматического действия биосоциальных законов. Именно они содействуют включению в процесс эволюции коллективной памяти и коллективного интеллекта человечества [3, с. 23]. Отсюда требование к креативному государству иметь духовную составляющую, строиться на нравственных началах [4, с. 299, 301].

Пришло время мечты о высоконравственном обществе переводить в практическую плоскость создания нравственного государства как гаранта такого общества, обладающего соответствующими государственно-правовыми механизмами [5, с. 14, 270–296]. Если сегодня не принять специальных мер, не изменить характер нашей цивилизации (систем ценностей, которые определяют деятельность человека), то теряющая стабильность биосфера, подчеркивал академик Н.Н. Моисеев, даже без шоковых воздействий человека перейдет в состояние, не пригодное для его жизни [6, с. 45, 46].

Планетарный характер борьбы между ценностными приоритетами народов стал неизбежен после изменения до неузнаваемости господствовавшей в мире либеральной идеологии. Изначально клас-

⁵ Скотт В. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 15. Квентин Дорвард: роман / пер. с англ. М. Шишмаревой. – Москва: ТЕРРА – Книжный клуб, 1998. – С. 194.

⁶ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию (21 февраля 2023 г.). – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 29.07.2023). – Текст: электронный.

⁷ Там же.

сический либерализм понимал свободу каждого человека как полную свободу воли, право говорить и делать то, что хочешь. Однако ныне либералы заявляют о том, что у так называемого открытого общества есть враги, а свобода таких врагов может и должна быть ограничена или вовсе отменена. Теперь же и вовсе дошли до абсурда, когда любая альтернативная точка зрения объявляется подрывной пропагандой и угрозой демократии⁸.

Президент РФ В.В. Путин обоснованно призывает посмотреть, что Запад делает со своими собственными народами. Так, разрушение семьи, культурной и национальной идентичности, извращения, издевательства над детьми, вплоть до педофилии, объявляются нормой, нормой их жизни, а священнослужителей, священников принуждают благословлять однополые браки⁹. В российской цивилизационной культуре, как и вообще в современных традиционных обществах, взрослые люди имеют право жить так, как хотят, а частная жизнь неприкосновенна ни для кого, в том числе и для государства. Никакие особенности частной жизни не могут навязываться обществу.

Именно обострение цивилизационного противостояния представляет ныне главную угрозу праву народов на мир.

Один полюс современного цивилизационного противостояния сформировался из стран, исповедующих секулярные ценности либерализма. Выразителем их принципов можно считать парадигму гуманизма, когда признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их объявляется основой свободы, справедливости и всеобщего мира, вокруг чего построена Всеобщая декларация о правах человека от 10 декабря 1948 г.¹⁰, в основу которой положен принцип полного отрицания любых различий, «как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения» (ст. 2).

Когда Всеобщая декларация о правах человека 1948 г. торжественно провозгласила, что семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства (ч. 3 ст. 16), то ни у кого из представителей мирового сообщества не было сомнений в том, что семья – это союз мужчины и женщины, никто и представить себе не мог, что браком можно называть однополое сожительство.

Понимание брака как союза («сочетания») мужчины и женщины свойственно не только авраамическим религиям. Так, оно в числе естественных прав упомянуто еще Ульпианом (D. 1, 1, 1), а важность того, чтобы души наших детей не были испорчены, отмечал в Древнем Риме Павел (D. 11, 3, 11). Святость присяги, путем которой разрешаются споры, лежала в основе частного права (D. 12, 2, 1).

В Российской Федерации ныне закреплена обязанность государства защищать институт брака как союз мужчины и женщины (п. «ж1») ч. 1 ст. 72 Конституции РФ), подобно тому, как брак или союз женщины и мужчины, семья находятся под охраной и покровительством (опекой) Республики Польша (ст. 18 ее Конституции). В таком подходе и заключается мировоззрение традиционализма.

Полным попранием традиции, в том числе принципов римского права, выступает стремление «толерантного» Запада распространить на однополые отношения понятия семьи и брака. Невмешательство в частную жизнь человека, в том числе в сексуальные отношения, не должно перерастать в культ сексуальной свободы и диктатуру аномальных сексуальных прихотей в традиционной брачно-семейной сфере. Осуждению подлежат не только гей-парады, но и любые публичные акты, демонстрирующие безнравственность.

В обществах, опирающихся на традицию и культурно-историческое наследие, существует иное представление о смысле и целях развития. Доказывая, что будущее принадлежит славянской духовности, способной переосмыслить западноевропейское культурное наследие в свете современной реальности, болгарский академик О. Загорев видит основу назревших перемен в необходимости перехода от приоритета личного интереса и независимости к опоре на коллективистские начала, поскольку только

⁸ Выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 29.07.2023). – Текст: электронный.

⁹ Там же.

¹⁰ Всеобщая декларация о правах человека: [от 10 декабря 1948 г.]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 01.08.2023). – Текст: электронный.

способность жить для общего блага является хорошей предпосылкой для современной планетарной этики солидарности и взаимной ответственности [7, с. 68, 69–70].

Право народов на мир и мирное развитие, добрососедство должны строиться на духовном и социально-экономическом развитии современного общества, ориентированном на традиционные ценности, которые рассматриваются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение людей, передаваемые из поколения в поколение, лежащие в основе гражданской идентичности и единого культурного пространства каждой страны, укрепляющие гражданское единство. В России они нашли свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России¹¹. В христианской традиции перечень традиционных ценностей начинается с таких понятий, как любовь, вера, Отечество, святости, свобода, правда, честь, жизнь, достоинство личности, права и свободы человека.

Право народов на мир ныне может быть обеспечено только построением справедливого и стабильного мироустройства, которое видится сбалансированной политико-правовой системой, опирающейся на многообразие культурно-исторических типов государств, соразвитие их традиционных духовно-нравственных ценностей, стабильное равноправие конкурирующих экономик, ориентированных на честную международную кооперацию. В противоборстве вражды и любви скрывается, согласно Аристотелю, возможность как обособления, так и соединения [8, с. 383].

Отмечая даже не системный, а доктринальный кризис неолиберальной модели мироустройства по-американски, утратившей потенциал идей созидания и позитивного развития, замкнувшейся в сохранении своего доминирования, Президент РФ В.В. Путин справедливо подчеркивает, что развитие должно осуществляться только в диалоге цивилизаций, с опорой на духовно-нравственные ценности. Для Европы многополярность – это реальный и единственный шанс восстановить свою политическую и экономическую субъектность¹², да и просто жить в условиях стабильности и мира.

Подходы России к принципам многополярного мира как гаранта мирной жизни народов провозглашены в новой российской концепции внешней политики, закрепившей особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы. В политико-правовом документе подчеркнуто и отныне закреплено, что внешняя политика России носит миролюбивый, открытый, предсказуемый, последовательный, прагматичный характер, основанный на уважении общепризнанных принципов и норм международного права, стремлении к равноправному международному сотрудничеству в целях решения общих задач и продвижения общих интересов. Отношение России к другим государствам и межгосударственным объединениям определяется конструктивным, нейтральным или недружественным характером их политики в отношении нее¹³.

Право народов на мир даже в самые смутные времена базируется на библейском принципе «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобна ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон» (Евангелие от Матфея: 1.22.37-40). Отринув Бога из центра нравственных и правовых координат, современный западный мир получил безнравственное общество и двуличное государство. Россия, долгое время шедшая этим же путем, в последний момент смогла остановиться и вернуться на свой цивилизационный путь развития [9].

Русская культура в течение многих веков формировала традицию жить в ладу. Русский лад – это жизнь в согласии, гармонично соединяющая в отношениях между людьми и народами любовь и взаимную ответственность, мир и добрососедство, сострадание и взаимопомощь. Право народов на мир, мирную жизнь даже в условиях международного кризиса для России и Русского мира основывается на стремлении к ладу, на упорядоченности и взаимной обязательности. Порядок, способный гарантиро-

¹¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: указ Президента Российской Федерации: [от 9 ноября 2022 г. № 809]. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 17.12.2022). – Текст: электронный.

¹² Выступление Президента РФ В.В. Путина на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай». – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 29.07.2023). – Текст: электронный.

¹³ Концепция внешней политики Российской Федерации: [утв. Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.]. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586> (дата обращения: 01.09.2023). – Текст: электронный.

вать народам право на мирную жизнь, должен уважать духовно-нравственные принципы каждого народа, основываться на справедливости в отношении всех, на законе («закон, как напоминает Т.А. Алексеева, – римский принцип, «это то, что народ постановил» [10, с. 72]) и праве, опирающихся на библейские нравственные ценности [11].

Россия искренне заинтересована в том, чтобы в Европе ее услышали и постарались понять, чтобы европейские традиционалисты предприняли реальные меры по спасению традиционных ценностей Европейской цивилизации от заразы западнизма и космополитической безнравственности. Россия готова делать все от нее зависящее для того, чтобы в Европу вернулись мир и добрососедство, однако это двусторонний процесс.

Да будет с вами мир! *Pax vobiscum!*

Список литературы

1. Цицерон М.Т. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / предисл. Е.И. Темнова. – Москва: Мысль, 1999. – 782 с.
2. Семенов И.С. Национальное государство и национальная идентичность: смена парадигмы // Власть и политика: институциональные вызовы XXI в. Политическая наука: ежегодник, 2012 / гл. ред. А.И. Соловьев. – Москва: РОССПЭН, 2012. – С. 221–250.
3. Глобальный кризис западной цивилизации и Россия / отв. ред. Г.В. Осипов. – 2-е изд., доп. – Москва: ЛИБРОКОМ, 2009. – 528 с.
4. Мамыченко А.В. Замена деструктивных элит. Новые люди креативного государства. Профессиональный парламент. – Астрахань: Волга, 2018. – 648 с.
5. Бабурин С.Н. Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. – 2-е изд. – Москва: Норма, 2023. – 536 с.
6. Моисеев Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. – Москва: Изд-во МНЭПУ, 1998. – 228 с.
7. Загоров О. Славянская духовность и ее будущее // Государство, Церковь, право: конституционно-правовые и богословские проблемы: материалы XI Междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Великой Победы в Великой Отечественной войне / под ред. С.Н. Бабурина, А.М. Осавелюка. – Москва: Книжный мир, 2020. – С. 68–82.
8. Аристотель. О возникновении и уничтожении // Сочинения: в 4 т. – Москва: Мысль, 1981. – Т. 3. – С. 379–440.
9. Бабурин С.Н. Мировоззренческий выбор Александра Невского как цивилизационная основа современной российской государственности // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки. – 2021. – № 3. – С. 9–17.
10. Алексеева Т.А. Римская республика – образец для учредителей // Рецепция римского права. Общие принципы и современность: III Евразийский семинар по римскому праву: материалы междунар. науч. конф. / под ред. С.Н. Бабурина. – Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. – С. 69–74.
11. Савенков А.Н. Проблема законности в западной и российской юридической мысли XIX–XXI вв.: монография. – Москва: ИГП РАН; Саратов: Амирит, 2022. – 188 с.

References

1. Cicero M.T. O gosudarstve. O zakonah. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyah. Rechi. Pis'ma / predisl. E.I. Temnova. – Moskva: Mysl', 1999. – 782 s.
2. Semenenko I.S. Nacional'noe gosudarstvo i nacional'naya identichnost': smena paradigmy // Vlast' i politika: institucional'nye vyzovy XXI v. Politicheskaya nauka: ezhegodnik, 2012 / gl. red. A.I. Solov'ev. – Moskva: ROSSPEN, 2012. – S. 221–250.
3. Global'nyj krizis zapadnoj civilizacii i Rossiya / отв. ред. G.V. Osipov. – 2-e izd., dop. – Moskva: LIBROKOM, 2009. – 528 s.
4. Mamychenko A.V. Zamena destruktivnyh elit. Novye lyudi kreativnogo gosudarstva. Professional'nyj parlament. – Astrahan': Volga, 2018. – 648 s.
5. Baburin S.N. Nravstvennoe gosudarstvo. Russkij vzglyad na cennosti konstitucionalizma. – 2-e izd. – Moskva: Norma, 2023. – 536 s.

6. *Moiseev N.N.* Sud'ba civilizacii. Put' razuma. – Moskva: Izd-vo MNEPU, 1998. – 228 s.
7. *Zagorov O.* Slavyanskaya duhovnost' i ee budushchee // Gosudarstvo, Cerkov', pravo: konstitucionno-pravovye i bogoslovskie problemy: materialy XI Mezhdunar. nauch. konf., posvyashch. 75-letiyu Velikoj Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne / pod red. S.N. Baburina, A.M. Osavelyuka. – Moskva: Knizhnyj mir, 2020. – S. 68–82.
8. *Aristotel'*. O vzniknovenii i unichtozhenii // Sochineniya: v 4 t. – Moskva: Mysl', 1981. – T. 3. – S. 379–440.
9. *Baburin S.N.* Mirovozzrencheskij vybor Aleksandra Nevskogo kak civilizacionnaya osnova sovremennoj rossijskoj gosudarstvennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2. Yuridicheskie nauki. – 2021. – № 3. – S. 9–17.
10. *Alekseeva T.A.* Rimskaya respublika – obrazec dlya uchreditelej // Recepciya rimskogo prava. Obshchie principy i sovremennost': III Evrazijskij seminar po rimskomu pravu: materialy mezhdunar. nauch. konf. / pod red. S.N. Baburina. – Moskva: YuNITI-DANA, 2021. – S. 69–74.
11. *Savenkov A.N.* Problema zakonnosti v zapadnoj i rossijskoj yuridicheskoj mysli XIX–XXI vv.: monografiya. – Moskva: IGP RAN; Saratov: Amirit, 2022. – 188 s.

УДК 340.1+347

ПРЕДЕЛЫ ДОПУСТИМОСТИ РАЗГЛАШЕНИЯ ВРАЧЕБНОЙ ТАЙНЫ**Колонтаевская Ирина Федоровна^{1,2},***д-р пед. наук, канд. юрид. наук, профессор,**e-mail: kolont@bk.ru,*¹*Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,*²*Еврейский университет, г. Москва, Россия*

Цель статьи – исследовать проблемы, связанные с правопониманием и правоприменением норм института врачебной тайны и пределами допустимости раскрытия сведений конфиденциального характера. Рассматриваются законоположения, устанавливающие основания разглашения частных сведений, полученных от пациентов. Выявляются причины и условия возникновения противоречий между правовыми, деонтологическими и этическими составляющими действующего режима врачебной тайны, которые могут не только конкурировать между собой, но и взаимоисключать друг друга, т.к. этически оправданная закрытость медицинских данных о заболеваемости и лечении больных может содержать реальную угрозу общественной и санитарно-эпидемиологической безопасности людей, находящейся в неведении. Ставятся вопросы о целесообразности сохранения запрета на разглашение конфиденциальной медицинской информации, имеющей социально-значимый и государственный интерес. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой, юридико-технический методы, а также общенаучные методы познания. Формулируется вывод о необходимости дальнейшей доктринальной и правовой разработки института врачебной тайны, развития правового режима ее действия, а также совершенствования на этой основе законодательства, касающегося пределов допустимости разглашения сведений, составляющих врачебную тайну.

Ключевые слова: институт врачебной тайны, конфиденциальные сведения, допустимость разглашения, пациент, медицинский работник

**LIMITS ON THE PERMISSIBILITY OF DISCLOSURE
MEDICAL CONFIDENTIALITY****Kolontaevskaya I.F.^{1,2},***Doctor of Pedagogical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor,**e-mail: kolont@bk.ru,*¹*Moscow Witte University, Moscow, Russia,*²*Hebrew University, Moscow, Russia*

The aim of the study is to highlight the problems related to the legal understanding and enforcement of the norms of the institute of medical confidentiality and the limits of admissibility of disclosure of confidential information. The article considers the legal provisions establishing the grounds for disclosure of private information received from patients. The reasons and conditions of contradictions between legal, deontological and ethical components of the current regime of medical secrecy are revealed, which may not only compete with each other, but even mutually exclude each other, as ethically justified confidentiality of medical data on morbidity and treatment of patients may contain a real threat to public and sanitary-epidemiological safety of people who are in ignorance. The issues on the expediency of maintaining a ban on disclosure of confidential medical information of socially significant and state interest are raised. The methodological basis was formed by formal-legal, comparative-legal, legal-technical methods, as well as general scientific methods of cognition. The conclusion is made about the need for further doctrinal and legal development of the institute of medical secrecy, the development of the legal regime of its operation, as well as the improvement on this basis of legislation concerning the limits of admissibility of disclosure of medical secrecy.

Keywords: institution of medical secrecy, confidential information, admissibility of disclosure, patient, health care professional

DOI 10.21777/2587-9472-2023-4-18-24

Актуальность темы исследования определяется тем, что такие экзистенциальные понятия, как жизнь и здоровье, являются для каждого человека фундаментальными нематериальными благами. Любое государство заинтересовано в поддержании и сохранении здоровья нации. Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого на охрану и защиту жизни и здоровья, а также право на медицинскую помощь (ст. 20, 41 и 55)¹. При обращении граждан в медицинские организации неизбежно возникает вопрос о сохранении конфиденциальных сведений, полученных от пациента, в том числе его персональных данных. В отдельных случаях больные или их родственники при проведении назначенного лечения сами заинтересованы в широком общественном резонансе и активном социальном участии, причем не только с целью сбора средств на лечение, но и для морально-психологической поддержки тех, кто попал в подобную ситуацию. Другие же, наоборот, предпочитают избегать излишнего интереса к своей персоне и никого не посвящать в свои личные проблемы, за исключением непосредственно медиков.

На сохранение доверительности отношений медицинских работников и пациентов нацелено положение ч. 1 ст. 23 Основного закона Российской Федерации, согласно которому каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени. Нематериальность и неоценимость жизни, здоровья, личной и семейной тайны не исключают их стоимостной значимости, что выражается, например, в возможности денежной компенсации морального вреда, причиненного лицу, в том числе разглашением медицинских данных, составляющих конфиденциальные сведения о его здоровье (ст. 151 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)²).

Важнейшим правовым механизмом в реализации права на конфиденциальность и приватность отношений между врачом и пациентом является институт врачебной тайны. Врачебная тайна – это одна из профессиональных тайн, предусмотренных российским законодательством, наряду с адвокатской, банковской, нотариальной, аудиторской, налоговой, журналистской. Кроме того, врачебная тайна – это часть защищаемой государством личной тайны.

Вместе с тем при изучении правовой регламентации врачебной тайны и практики правоприменения в данной сфере обнаруживается немало серьезных проблем в отношении не только медицинских организаций и отдельных лиц (пациентов, их родственников, медицинского персонала и других), но и общества в целом. Одним из острых противоречий врачебной тайны является соотношение этических и правовых ее компонентов, которые могут как конкурировать между собой, так и взаимоисключать друг друга. Так, например, в период пандемии нравственно оправданная закрытость конфиденциальных медицинских сведений может содержать угрозу общественной и санитарно-эпидемиологической безопасности людей, находящихся в неведении.

Тайна на разглашение информации всегда означает запрет на огласку сведений, ставших известными лицу при исполнении им профессиональных или служебных обязанностей, в том числе и о самом факте обращения к врачу. Целесообразность возникновения и действия данного правового института обусловлена принципиальной необходимостью утверждения чувства уверенности пациента в том, что все сказанное врачу останется между ними, т.к. в силу необходимости больному приходится сообщать врачу информацию, которую он бы предпочел скрыть от окружающих.

Появившийся в глубокой древности правовой институт врачебной тайны в процессе многовековой эволюции претерпел существенную трансформацию – от абсолютного запрета на разглашение сведений, полученных от лица, обратившегося за врачебной помощью, до частичного снятия ограничений этого правила [1, с. 12]. Все приведенные исключения обусловлены публичными, общественными и частными интересами, например необходимостью выявления следственными органами подозреваемых в преступлении лиц и их жертв, предотвращения эпидемий, проведения медико-профилактических мероприятий, осуществления контроля над санитарно-эпидемиологической ситуацией, обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка в целом.

Необходимо отметить, что в современном российском законодательстве четко прослеживается тенденция к расширению перечня целесообразных изъятий из общего запрета на разглашение врачеб-

¹ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.09.2023). – Текст: электронный.

² См. ч. 1: Гражданский кодекс Российской Федерации: [от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

ной тайны. Убедительным доказательством этому является внесение Федеральным законом от 2 июля 2021 г. № 315-ФЗ³ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации"» изменений в Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 323-ФЗ)⁴, которые предусматривают, в частности, что близкие родственники или лица, которые указаны в письменном согласии пациента (информированном добровольном согласии на медицинское вмешательство), могут знакомиться с его медицинской документацией, а также получать медицинские документы и выписки из них, в том числе после его смерти.

В то же время расширение в законодательстве перечня оснований для снятия запретов на сведения, составляющие врачебную тайну, например для решения государственных задач (обязательное медицинское страхование, военный призыв, мобилизация и иные), может создавать риски бесконтрольности и неправомерности разглашения конфиденциальных сведений, в результате чего тайна становится доступной для многих [2, с. 23].

Соответственно, представляется необоснованным, в частности, законоположение о допустимости передачи частных медицинских сведений в целях осуществления учета и контроля в системе обязательного социального страхования и осуществления контроля качества и безопасности медицинской деятельности (п. 9 и 10 ч. 4 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ).

В настоящее время правовой институт врачебной тайны представляет собой совокупность взаимосвязанных юридических норм, регулирующих особый вид общественных отношений, обусловленных необходимостью неразглашения врачебной тайны кругом лиц, определенных законодательством.

В Федеральном законе № 323-ФЗ содержится перечень составляющих врачебную тайну сведений, а также установлена обязанность сохранять эти сведения лицами, которым она стала известна при исполнении ими должностных и профессиональных обязанностей, в том числе при обучении (ст. 13). При этом обязывающие к сохранению врачебной тайны правовые нормы включены в различные нормативные правовые акты, например в Гражданский кодекс РФ, Семейный кодекс РФ⁵, Трудовой кодекс РФ⁶, Кодекс РФ об административных правонарушениях⁷, Уголовный кодекс РФ⁸, Уголовно-процессуальный кодекс РФ⁹, Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»¹⁰, Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»¹¹, подзаконные нормативные правовые акты, ведомственные нормативные акты и локальные документы организаций, что, безусловно, в значительной степени препятствует их согласованности, систематизации и синхронизации.

Несмотря на внушительное количество правовых норм, регламентирующих режим врачебной тайны, в правоприменительной практике сохраняются существенные проблемы.

1. Легальное определение врачебной тайны не раскрывает сущности данного понятия как совокупности законодательных запретов на разглашение комплекса сведений, а лишь перечисляет в самом общем виде эти сведения (ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ).

2. Термин «врачебная тайна» является не вполне корректным с точки зрения смысловой нагрузки, т.к. не отражает полный круг лиц, которые должны эту тайну соблюдать [3]. И даже альтернативное,

³ О внесении изменений в Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон: [от 2 июля 2021 г. № 315-ФЗ]. – URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный.

⁴ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон: [от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.)]. – URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.09.2023). – Текст: электронный.

⁵ Семейный кодекс Российской Федерации: [от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

⁶ Трудовой кодекс Российской Федерации: [от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

⁷ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: [от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

⁸ Уголовный кодекс Российской Федерации: [от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

¹⁰ Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации: [от 20 августа 1992 г.]. – 1992. – № 33. – Ст. 1913.

¹¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3451.

более широкое понятие «медицинская тайна» не исчерпывает всех лиц, потенциально причастных к соответствующим сведениям. Врачебная тайна относится не только ко всему персоналу медицинской организации, куда обратился пациент, но и ко всем лицам, кому стали известны конфиденциальные сведения в силу выполнения ими трудовых, должностных, служебных обязанностей (фармацевты, медицинские администраторы, регистраторы, сотрудники скорой помощи, сотрудники медицинских архивов, юристы, бухгалтеры, сотрудники правоохранительных органов и др.¹²).

Субъектами сохранения врачебной тайны могут стать педагогические и научные работники, имеющие сертификат специалиста либо свидетельство об аккредитации специалиста, осуществляющие практическую подготовку обучающихся, а также научные работники, имеющие сертификат специалиста либо свидетельство об аккредитации специалиста, осуществляющие научные исследования в сфере охраны здоровья (п. 2.1 ст. 69 Федерального закона № 323-ФЗ), а также лица, получившие конфиденциальную информацию при обучении [4].

Кроме того, не разглашать врачебную тайну, в том числе конфиденциальность персональных данных, используемых в медицинских информационных системах, обязаны юридические лица – медицинские организации (п. 4 ч. 1 ст. 79 Федерального закона № 323-ФЗ), организации, осуществляющие образовательную деятельность и спортивную подготовку (п. 7 ч. 4 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ, ч. 6 ст. 34.1 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в РФ»)¹³, территориальные фонды обязательного медицинского страхования, страховые медицинские организации (п. 9, 10 ч. 4 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ, ст. 12–14 Федерального закона от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»¹⁴).

Таким образом, круг физических и юридических лиц, на которых распространяется обязанность соблюдения врачебной тайны, гораздо шире, чем круг врачей и даже медицинских работников различных уровней и категорий [5, с. 139–144]. Вследствие этого переименование врачебной тайны в медицинскую вряд ли решит проблему полного охвата субъектов, на которых может быть возложена обязанность ее неразглашения. Вместе с тем обязанность неразглашения конфиденциальных сведений лицами, узнавшими их при обучении, следует, видимо, ограничить теми, кто получает медицинское образование.

3. Серьезную проблему для медицинских организаций создает распространенная практика, когда компетентными органами запрашивается (истребуется) приватная информация о проходящих лечение пациентах, в отношении которых еще *не начато расследование и не возбуждены уголовные дела*. Подчеркнем, что п. 3 ч. 4 ст. 13 Федерального закона № 323-ФЗ допускает предоставление сведений, составляющих врачебную тайну, без согласия гражданина или его законного представителя по запросу органов дознания и следствия только в связи с *проведением расследования*. Однако, несмотря на прямое законодательное указание Федерального закона № 323-ФЗ, Верховный Суд РФ позволил предоставлять информацию, составляющую врачебную тайну, по запросу (истребованию) любого органа, должностного лица, проводящего *проверку сообщения о преступлении*¹⁵.

4. В процессе пандемии COVID-19 обнаружилась проблема несогласованности между собой норм отдельных федеральных законов¹⁶, проявляющаяся в неопределенности для правоприменения конкретных ограничений прав и свобод человека и гражданина, которые возможно использовать со-

¹² Аминов И.И., Шеглов А.В., Эриашвили Н.Д. [и др.]. Профессиональная этика и служебный этикет: учебник. – Москва: Юнити-Дана, 2017. – 271 с.

¹³ О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон: [от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.10.2023). – Текст: электронный.

¹⁴ Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федеральный закон: [от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (ред. от 19 декабря 2022 г.)]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.09.2023). – Текст: электронный.

¹⁵ См. п. 9: О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (ст. 165 УПК РФ): постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 1 июня 2017 г. № 19] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 7.

¹⁶ См. п. 2 ч. 4 ст. 13: Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон: [от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.)]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.09.2023). – Текст: электронный; см. ст. 1: О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон: [от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ (ред. от 14 апреля 2023 г.)]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный; О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон: [от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ (ред. от 24 июля 2023 г.)]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.09.2023). – Текст: электронный.

ответствующим государственным органом и должностным лицом при возникновении ситуации, когда распространяется заболевание, представляющее опасность для окружающих [6, с. 24–28].

5. Определенной проблемой стало ограничение врачебной тайны в отношении несовершеннолетних, после того как Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 271-ФЗ¹⁷ внес изменения в ст. 22 Федерального закона № 323-ФЗ, обязывающие медицинские организации предоставлять все сведения по факту обращения в учреждения здравоохранения несовершеннолетних в возрасте 15–18 лет их законным представителям. При этом нововведения не распространились на несовершеннолетних, приобретших полную дееспособность при вступлении в брак в возрасте до 18 лет (ст. 21 ГК РФ) и эмансипированных граждан (ст. 27 ГК РФ).

6. Проблемными представляются смысловая непродуманность и возможные правовые последствия предписаний ст. 15 Семейного кодекса РФ, устанавливающей, что вступающие в брак лица, прошедшие добровольное медицинское обследование, не обязаны информировать друг друга о полученных результатах, которые составляют личную и врачебную тайну каждого из них. Медицинский работник, узнавший, что вступающее в брак лицо является носителем венерического заболевания или ВИЧ-инфекции, также не вправе сообщать неблагоприятный диагноз его будущей «второй половине». И только если впоследствии обнаружится, что один из супругов скрыл при вступлении в брак факт наличия у него венерической болезни или ВИЧ-инфекции, обманутый супруг будет вправе обратиться в суд с требованием о признании брака недействительным. Такая мера, очевидно, является запаздывающей санкцией и слишком малой компенсацией за риск заражения не только второго супруга, но и будущих детей венерическим заболеванием или вирусом, вызывающим СПИД. Для решения данной проблемы может быть полезен зарубежный опыт, в частности Узбекистана¹⁸, где вопрос о необходимости медицинских осмотров людей, вступающих в брак, и взаимного информирования будущих супругов о полученных результатах поставлен на государственный уровень в целях сохранения здоровья семьи и нации [7, с. 41–43].

7. Серьезные потенциальные угрозы несет в себе цифровизация медицинской деятельности, а именно:

– проблема обеспечения врачебной тайны в ходе цифровой обработки и защиты информации, которая собирается от пациентов;

– проблема охраны и поддержания инфраструктуры, обеспечивающей обработку и сохранность такой информации, тем более что фактически все медицинские организации являются значимыми субъектами критической информационной инфраструктуры¹⁹;

– проблема сохранения врачебной тайны при использовании зарубежных гаджетов в связи с тем, что производители техники могут быть связаны с западными спецслужбами. В настоящее время сотрудников государственных лечебных организаций информируют о том, что в целях информационной безопасности необходимо повысить защищенность информационной инфраструктуры, что включает запрет использовать в рабочих целях технику Apple и вести переписку в WhatsApp (принадлежит компании Meta, признанной экстремистской и запрещенной в РФ), Skype, Viber, Microsoft Teams и сервисах Google²⁰. Позицию с кодом ОКПД 2 32.50.21.122 «Аппараты дыхательные реанимационные» планируется внести в Постановление Правительства Российской Федерации от 30 апреля 2020 г. № 616 «Об установлении запрета на допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных государств»²¹;

¹⁷ О внесении изменения в ст. 22 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»: Федеральный закон: [от 31 июля 2020 г. № 271-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 31. – Ч. 1. – Ст. 5030.

¹⁸ Об утверждении положения о медицинском обследовании лиц, вступающих в брак: постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан: [от 25 августа 2003 г. № 365]. – URL: <https://lex.uz/ru/docs/245893> (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный.

¹⁹ См. ч. 8 ст. 2: О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон: [от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 21.09.2023). – Текст: электронный.

²⁰ В СФ объяснили запрет на айфоны для медиков. – URL: https://senatinform.ru/news/v_sf_obyasnili_zapret_na_ayfony_dlya_medikov (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный.

²¹ Об установлении запрета на допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, а также промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок для нужд обороны страны и безопасности государства: постановление Правительства Российской Федерации: [от 30 апреля 2020 г. № 616 (ред. от 31 мая 2023 г.)]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный.

– проблема возникновения риска при применении искусственного интеллекта, в частности возникает вопрос о том, может ли робот хранить врачебную тайну;

– проблема соблюдения в телемедицине конфиденциальности при виртуальном взаимодействии врача и пациента, медицинских работников между собой, при дистанционной идентификации больных, электронном документировании их персональных данных, диагнозов и результатов лечения, при интерактивном медицинском наблюдении за ходом лечения. Вместе с тем необходимо осознавать, что ужесточение и чрезмерная детализация регулирования применения в медицине IT-технологий, искусственного интеллекта и роботов, несомненно, будут препятствовать их развитию и внедрению в здравоохранение.

Актуальны и некоторые другие проблемные вопросы, на которые пока нет ответа.

1. Насколько оправдан запрет на использование данных о лечении больных для научных целей?

2. Насколько уместно наложение врачебной тайны на информацию о здоровье государственных должностных лиц и политических деятелей, которое в глазах общества зачастую ассоциируется с состоянием дел в государстве и перспективами его развития [8, с. 44–54]?

3. Почему сотрудникам Министерства внутренних дел РФ приходится «биться» за доступ к медицинским базам данных, а врачи не спешат делиться информацией о наркозависимых и душевнобольных пациентах? В результате полиция не знает граждан, состоящих на учете у психиатров и наркологов, соответственно, не может предотвратить преступления с их участием²².

4. Насколько целесообразно сохранение врачебной тайны, когда у больного находят психические отклонения, косвенно подвергающие опасности его жизнь, а также жизнь и здоровье окружающих?

5. Необходимо ли держать в секрете от родных и близких ВИЧ-инфицированного положительный результат на наличие вируса иммунодефицита?

Заключение

Все перечисленные проблемы и вопросы требуют своевременного и адекватного правового решения. Охране врачебной тайны, как и допустимости целесообразного снятия ограничений на ее разглашение, должно уделяться первоочередное внимание со стороны как законодателей и правоприменителей, так и представителей науки, медицинского и юридического сообществ. При этом между законодательными, деонтологическими, и этическими нормами в данной сфере не должно быть принципиальных разногласий, а легальные изъятия из перечня запретов на разглашение приватной информации не должны противоречить правам и законным интересам граждан, обращающихся за медицинской помощью. Допустимое и целесообразное разглашение сведений, составляющих врачебную тайну, должно быть аргументировано и обосновано моральными ценностями общества и профессиональным долгом медицинских работников.

Список литературы

1. Лопаткина Н.В. Правовое регулирование врачебной тайны и защиты персональных данных как фактор обеспечения безопасности личности, общества, государства // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2015. – № 2. – С. 19–23.
2. Помазкова С.И. Право пациента на врачебную тайну по законодательству стран постсоветского пространства // Международное публичное и частное право. – 2015. – № 6. – С. 22–25.
3. Сазонова М. Врачебная тайна и цифровизация: как защитить информацию о пациенте. – Текст: электронный // ГАРАНТ.РУ: информационно-правовой портал. – URL: <https://www.garant.ru/news/1465292> (дата обращения: 10.09.2023).
4. Корнблум О. Нарушение запрета о разглашении врачебной тайны // Союз криминалистов и криминологов. – 2021. – № 2. – С. 126–130.
5. Фарбер Е.В. Врачебная тайна или медицинская тайна? // Медицинское право: теория и практика. – 2017. – Т. 3, № 2. – С. 139–144.

²² Ивлев А. Врачебная тайна лишает жизни в ДТП. – URL: <https://avto.vesti.ru/auto/article/3074729> (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный.

6. *Винокуров В.А.* Права и свободы человека и гражданина при обработке персональных данных в части соблюдения личной и врачебной тайны // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 3. – С. 24–28.
7. *Левушкин А.Н.* Правовые аспекты медицинского обследования лиц, вступающих в брак в странах СНГ // Медицинское право. – 2011. – № 3. – С. 41–43.
8. *Аминов И.И.* Этика российского парламентария как предмет нормативно-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 8. – С. 47–54.

References

1. *Lopatkina N.V.* Pravovoe regulirovanie vrachebnoj tajny i zashchity personal'nyh dannyh kak faktor obespecheniya bezopasnosti lichnosti, obshchestva, gosudarstva // Pravo. Bezopasnost'. Chrezvychajnye situacii. – 2015. – № 2. – С. 19–23.
2. *Pomazkova S.I.* Pravo pacienta na vrachebnuyu tajnu po zakonodatel'stvu stran postsovet'skogo prostranstva // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. – 2015. – № 6. – С. 22–25.
3. *Sazonova M.* Vrachebnaya tajna i cifrovizaciya: kak zashchitit' informaciyu o paciente. – Tekst: elektronnyj // GARANT.RU: informacionno-pravovoj portal. – URL: <https://www.garant.ru/news/1465292> (data obrashcheniya: 10.09.2023).
4. *Kornblum O.* Narushenie zapreta o razglashenii vrachebnoj tajny // Soyuz kriminalistov i kriminologov. – 2021. – № 2. – С. 126–130.
5. *Farber E.V.* Vrachebnaya tajna ili medicinskaya tajna? // Medicinskoe pravo: teoriya i praktika. – 2017. – Т. 3, № 2. – С. 139–144.
6. *Vinokurov V.A.* Prava i svobody cheloveka i grazhdanina pri obrabotke personal'nyh dannyh v chasti soblyudeniya lichnoj i vrachebnoj tajny // Конституционное и муниципальное право. – 2022. – № 3. – С. 24–28.
7. *Levushkin A.N.* Pravovye aspekty medicinskogo obsledovaniya lic, vstupayushchih v brak v stranah SNG // Medicinskoe pravo. – 2011. – № 3. – С. 41–43.
8. *Aminov I.I.* Etika rossijskogo parlamentariya kak predmet normativno-pravovogo regulirovaniya // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2019. – № 8. – С. 47–54.

УДК 342

СООБЩЕСТВО ЕДИНОЙ СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА В КОНСТИТУЦИИ КНР

Чжоу Хэн¹,

постдоктор юридических наук,

e-mail: zhnmgdx@126.com,

¹Университет Внутренней Монголии, г. Хух-Хото, Китайская Народная Республика

Концепция сообщества единой судьбы человечества уходит своими корнями в общинную мысль классиков марксизма, а также содержит идею великой гармонии мира в 5000-летней традиционной культуре Китая. Неустанный стремление китайских коммунистов к сообществу единой судьбы человечества является внутренней движущей силой преобразования данной концепции в конституционную норму. Концепция сообщества единой судьбы человечества – это совокупность ценностей, являющихся наследием и развитием внешней политики пяти принципов мирного сосуществования, закрепленных в Конституции КНР. Содержание сообщества единой судьбы человечества, закрепленное в Конституции КНР, возлагает на государство обязательства и полномочия по реализации концепции сообщества единой судьбы человечества. В статье раскрывается, как концепция сообщества единой судьбы человечества стала частью Конституции КНР, какие исторические документы предшествовали конституционному закреплению данного постулата, а также приводится значение указанной концепции для благополучия китайского народа и человеческого прогресса в целом.

Ключевые слова: конституционное право, сообщество единой судьбы человечества, коммунистическая партия КНР, общие ценности

COMMUNITY OF COMMON DESTINY FOR MANKIND IN THE CONSTITUTION OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Zhou Heng¹,

Postdoctoral Fellowship in Law,

e-mail: zhnmgdx@126.com,

Inner Mongolia University, Hohhot, People's Republic of China

The concept of a community with a shared destiny for mankind is rooted in the communal thought of the classics of Marxism, and also contains the idea of great harmony of peace in the 5.000-year-old traditional culture of China. The Chinese communists' relentless pursuit of a community of common destiny for mankind is the internal driving force behind transforming this concept into a constitutional norm. The concept of a community with a shared future for mankind is a set of values that are the legacy and the development of the foreign policy of the Five Principles of Peaceful Coexistence enshrined in the Constitution of the People's Republic of China. The content of the community of a common destiny for mankind, enshrined in the Constitution of the People's Republic of China, imposes on the state the obligations and powers to implement the concept of a community of a shared future for mankind. The article reveals how the concept of a community of a common destiny for mankind became part of the Constitution of the People's Republic of China, what historical documents preceded the constitutional consolidation of this postulate, as well as the significance of this concept for the well-being of the Chinese people, as well as for human progress in general.

Keywords: constitutional law, community of the common destiny of mankind, Communist Party of the People's Republic of China, common values

DOI 10.21777/2587-9472-2023-4-25-29

Поправка к Конституции КНР 2018 г. включила в преамбулу выражение «содействие построению сообщества единой судьбы человечества». С тех пор сообщество единой судьбы человечества официально закреплено в Конституции КНР в качестве конституционной нормы. Однако как концепция сообщества единой судьбы человечества стала частью Конституции КНР? Что она представляет собой? Следует отметить, что толкование и разъяснение концепции сообщества единой судьбы человечества, закрепленное в Конституции КНР, способствует взаимному обмену между китайскими и российскими юристами, особенно в области конституционного права, развитию отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия между Китаем и Россией.

Происхождение понятия «сообщество единой судьбы человечества»

Концепция сообщества единой судьбы человечества официально предложена в 2012 г. на XVIII съезде Коммунистической партии КНР как эффективная мера разрешения международных социальных проблем и уходит своими корнями в общинную мысль классиков марксизма, а также содержит идею великой гармонии мира в 5000-летней традиционной культуре Китая.

Ф. Энгельс считал, что для решения немецкого национального вопроса нужно противостоять как гнету извне, так и местному национализму. По мнению К. Маркса, «эмансипация евреев в ее конечном значении есть эмансипация человечества от еврейства» [1, с. 50]. Взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса в целом отражают интернационалистскую идеологию и стремление человека перейти от «равенства всех наций» к «человеческому освобождению», а также предлагают построить «настоящую общину», основанную на общих интересах и требованиях, «где свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» [2, с. 53]. Стремление к человеческой свободе и человеческому освобождению является важным аспектом марксистской теории. К. Маркс и Ф. Энгельс отличали «настоящую общину» от «естественной общины», а также от «ложной общины», стремящейся к свободному и всестороннему развитию человека и избавлению зависимости от других людей и вещей.

Основные положения концепции Да Тун в китайской культуре, например «Все люди под небом принадлежат одной семье, и все народы должны жить в согласии», «Каждый красив по-своему, и красота находится в гармонии», «Мир един, и мы как одна семья», доказывают, что Китай рассматривает всех живых существ и мир как одно целое. Предпосылкой обращения со всеми живыми существами в мире является «гармония», которая также является основной концепцией китайской цивилизации. Приведенная концепция способствует принятию «различий», терпимости к «различиям» и построению, поддержанию сообщества на этой основе. Именно «различие» формирует многообразие мира, а «гармония» способствует гармоничному обмену между различными культурами для обеспечения их роста. Всем очевидно, что из них является более полезным для развития мира и прогресса человеческого общества. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил: «Среди цивилизаций не может быть превосходства или недостатков, есть только особенности и разные территории» [3, с. 544]. Если рассмотреть под другим углом, то добровольное вступление в сообщество означает, что посредством коммуникации в сообществе можно добиться превосходства, предоставив больше возможностей для своего собственного развития. Это и будет путь к достижению людьми всестороннего и свободного развития.

Сообщество единой судьбы человечества как внутренняя движущая сила конституционных норм

Современный мир сталкивается со многими глобальными проблемами. Для решения возникших проблем китайские коммунисты взяли на себя ответственность и способствовали созданию сообщества единой судьбы человечества. В партийных документах Коммунистической партии КНР разных периодов содержится классическое толкование понятия «община». Чэнь Дусю, один из основателей Коммунистической партии Китая, в послании молодежи для «Молодежного журнала» 1915 г., т. 1, № 1, сказал, что «мир не заперт в одной стране», уже подчеркивая важность следующей мировой мудрости: «Мира мудрости нет у народа». Однако если у граждан нет мировой мудрости, то как их страна будет

пытаться существовать в мире? Постановление о международном империализме и Коммунистической партии КНР, Постановление Коммунистической партии КНР о присоединении к Третьему Интернационалу Второго Всекитайского съезда Коммунистической партии КНР, Постановление о национальном революционном движении Четвертого Всекитайского съезда Коммунистической партии КНР и другие правовые акты обращают внимание на отношения Китая с внешним миром.

В 1956 г. Мао Цзэдун отметил, что «Китай должен внести большой вклад в развитие человечества». В 1985 г. Дэн Сяопин сказал: «К середине следующего века вес и роль социалистического Китая будут иными, и мы сможем внести большой вклад в развитие человечества». В 2002 г. в отчете XVI Всекитайского съезда Коммунистической партии КНР четко говорилось: «Мы выступаем за то, чтобы соответствовать исторической тенденции и отстаивать общие интересы всего человечества». В 2007 г. в отчете XVII Всекитайского съезда Коммунистической партии КНР отмечалось: «Исторические отношения между современным Китаем и миром претерпели исторические изменения, и будущая судьба Китая все теснее связана с судьбой мира». В 2012 г. в отчете XVIII Национального съезда Коммунистической партии КНР указывалось: «Взаимовыгодное сотрудничество заключается в приоритете концепции “общества единой судьбы человечества” и разумных опасений других стран при реализации общих интересов, а также в содействии общему развитию всех стран и строительству сбалансированного и равноправного типа глобализации, развитию партнерских отношений и продвижению общих интересов человечества». В 2017 г. в отчете XIX Всекитайского съезда Коммунистической партии КНР была подробно раскрыта тема «приверженности пути мирного развития и содействия построению общества единой судьбы человечества», где указывалось: «Коммунистическая партия КНР является партией, которая стремится к благополучию китайского народа, а также является партией, которая борется за дело человеческого прогресса. Коммунистическая партия КНР всегда стремилась внести полезный вклад в развитие человечества». В том же году в Уставе Коммунистической партии КНР впервые упомянули о сообществе единой судьбы человечества.

Коммунистическая партия КНР, занимающая ведущее положение в системе государственного управления Китая, вводит свои собственные положения в Основной закон страны. Воля правящей партии также будет преобразована в волю государства посредством юридических процедур. Соответственно, Конституция КНР 1954 г. воплощает идею мирного развития. Хотя Конституция 1982 г. прямо не содержала выражения сообщества единой судьбы человечества, она включила концепцию мирного развития, отстаиваемую Коммунистической партией КНР, и конституционные принципы формирования внешней политики Китая. В марте 2018 г. в «Поправку к Конституции Китайской Народной Республики» добавлено выражение «содействие построению сообщества единой судьбы человечества», что указывает на решимость Коммунистической партии КНР внести свой опыт и влияние в мировое сообщество. Можно сказать, что неустанное стремление китайских коммунистов к сообществу с общим будущим человечества является внутренней движущей силой превращения сообщества с общим будущим человечества в конституционную норму.

Конституционное значение сообщества единой судьбы человечества

В 2018 г. в Конституцию КНР включено понятие «сообщество единой судьбы человечества», которое осуществило переход от политического дискурса к конституционным нормам и имело большое конституционно-нормативное значение. Итак, каков конституционно-нормативный смысл сообщества единой судьбы человечества?

Во-первых, сообщество единой судьбы человечества – это сообщество ценностей. По мнению китайских ученых, сообщество единой судьбы человечества, закрепленное в Конституции КНР, является сообществом ценностей. Сообщество единой судьбы человечества использует ценности как держательное понятие. По сравнению с полноправными международными организациями, такими как Организация Объединенных Наций, сообщество общего будущего человечества как сообщество ценностей «не имеет ни нормативного права индивидов требовать защиты от сообщества, ни нормативного обязательства индивидов подчиняться сообществу» [4, с. 27]. Для борьбы с проблемами, например с

терроризмом и загрязнением окружающей среды, сообщество единой судьбы человечества должно продвигать такие ценности, как мир, развитие, честность, справедливость, демократия и свобода [3, с. 544].

Во-вторых, сообщество единой судьбы человечества является наследием и развитием внешней политики пяти принципов мирного сосуществования в Конституции КНР. Китай твердо придерживается пяти принципов: взаимного уважения суверенитета и территориальной целостности, взаимного ненападения, невмешательства во внутренние дела друг друга, равенства и взаимной выгоды, мирного сосуществования. В 2018 г. в Конституцию КНР внесена поправка «о продвижении создания общества единой судьбы человечества», что не отрицает пяти принципов мирного сосуществования, а, наоборот, способствует развитию этих принципов. Если пять принципов мирного сосуществования больше призваны «ладить со средой, но не отождествляться», «стремиться к тому, что объединяет при сохранении отдельных расхождений», то сообщество единой судьбы человечества находится в поиске общих точек соприкосновения. Пять принципов мирного сосуществования большое внимание уделяют международным отношениям, а ключевыми моментами сообщества единой судьбы человечества являются человечество, судьба, сообщество и благосостояние каждого индивида. Кроме того, закрепленное в Конституции КНР сообщество единой судьбы человечества является новым дополнением к конституционному принципу недопущения войн с целью достижения международного мира путем активных действий. Можно сказать, что сообщество единой судьбы человечества – это путь развития, который предложил Китай для глобального управления.

В-третьих, сообщество единой судьбы человечества наделяет государство обязательствами для ее реализации. Положения сообщества единой судьбы человечества в Конституции КНР наделяют Китай национальными обязательствами активно осуществлять действия по укреплению мира во всем мире и судьбе человечества. Таким образом, строительство сообщества единой судьбы человечества стало не просто понятием, а закрепленной обязанностью государства. Это также обеспечивает конституционную основу для осуществления Китаем деятельности по совместному построению сообщества единой судьбы человечества. Резолюция Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 2009 г. подчеркивает, что «необходимо повышать потенциал для борьбы с изменением климата», «далее повышать осведомленность о борьбе с изменением климата для долгосрочного развития Китая, нации и всего человечества», а также последовательно сформулировала и пересмотрела Закон об энергосбережении, ряд законов, связанных с изменением климата, таких как Закон о возобновляемых источниках энергии, Закон о содействии экономике замкнутого цикла, Закон о содействии чистому производству, Закон о лесах, Закон о пастбищах, Закон о метеорологии, Закон о защите реки Янцзы, Закон о защите водно-болотных угодий и т.д. Она также реализует национальные законодательные обязательства Китая в области глобальной защиты климата. В то же время Конституция КНР закрепляет функции и полномочия основных ведомств в строительстве сообщества единой судьбы человечества. В частности, в области законодательства Всекитайское собрание народных представителей и его Постоянный комитет могут издавать законы, касающиеся других государств, и совершенствовать правовую систему Китая, связанную с иностранными делами, в соответствии с целью совместного строительства сообщества единой судьбы человечества. В области правоохранительной деятельности Государственный совет и входящие в его состав ведомства активно совершенствуют механизм сотрудничества с зарубежными странами для повышения эффективности управления и усиления контроля потенциальных рисков. В судебной сфере народные суды справедливо и эффективно рассматривают дела, связанные со строительством «Одного пояса – одного пути» и создают справедливую, прозрачную правовую международную бизнес-среду. Посредством тесного сотрудничества государственные учреждения способствуют развитию сообщества единой судьбы человечества, миру и стабильности во всем мире.

Список литературы

1. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. – Москва: Народное издательство, 2009. – Т. 1.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. – Москва: Народное издательство, 2009. – Т. 2.
3. Си Цзиньпин. Си Цзиньпин: управление Китаем: в 4 т. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2017. – Т. 2.

4. Чжоу Аньпин. Обсуждение концепции сообщества с общим будущим для человечества // Обзор права. – 2018. – № 4.

References

1. Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. – Moskva: Narodnoe izdatel'stvo, 2009. – T. 1.
2. Marks K., Engel's F. Izbrannye proizvedeniya: v 3 t. – Moskva: Narodnoe izdatel'stvo, 2009. – T. 2.
3. Si Czin'pin. Si Czin'pin: upravlenie Kitaem: v 4 t. – Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannyh yazykah, 2017. – T. 2.
4. Chzhou An'pin. Obsuzhdenie koncepcii soobshchestva s obshchim budushchim dlya chelovechestva // Obzor prava. – 2018. – № 4.

УДК 343.13

ДОМАШНИЙ АРЕСТ: ПОНЯТИЕ И ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Геранин Виталий Владимирович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Мальцева Светлана Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Возвращение домашнего ареста в сферу уголовно-процессуальной деятельности вызвало всплеск интереса к данной мере пресечения со стороны не только правоприменителей, но и ученых. Домашний арест по замыслу разработчиков Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ) задумывался как разумная альтернатива заключению под стражу: свойственные ему правоограничения позволяют достигать аналогичных целей, при этом, с одной стороны, реализуя принцип экономии репрессии, а с другой – расходуя значительно меньшие материальные и финансовые ресурсы, рационально используя человеческие. На первоначальном этапе применения домашнему аресту как мере процессуального принуждения не были чужды недостатки и пробелы в правовом регулировании (за время действия УПК РФ в ст. 107 внесено 11 изменений и дополнений), а также неоднократные попытки со стороны ученых глубже уяснить его правовую природу. В статье приводится авторское видение сущности рассматриваемого процессуального института с позиции теории права.

Ключевые слова: уголовный процесс, домашний арест, меры пресечения, правовая природа, уголовно-процессуальные правоотношения

HOUSE ARREST: THE CONCEPT AND LEGAL NATURE

Geranin V.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Maltseva S.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The return of house arrest to the sphere of criminal procedural activity caused a surge of interest in this measure of restraint on the part of not only law enforcement officers, but also scientists. According to the developers of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, house arrest was conceived as a reasonable alternative to detention: the legal restrictions inherent in it allow achieving similar goals, while, on the one hand, implementing the principle of economy of repression, on the other hand, spending significantly less material and financial costs, rationally using human resources. At the initial stage of application, house arrest was not alien to shortcomings and gaps both in the legal regulation of this measure of procedural coercion (11 amendments and additions were made to Article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) and repeated attempts by scientists to understand its legal nature more deeply. The authors of this work present their vision of the essence of the considered procedural institution from the standpoint of the theory of law.

Keywords: criminal process, house arrest, preventive measures, legal nature, criminal procedure relations

DOI 10.21777/2587-9472-2023-4-30-35

Домашний арест – новая старая мера пресечения российского уголовного процесса, известная отечественному законодательству еще с XVII в. По ряду причин она не вошла в число мер пресекательного характера, применявшихся в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом (далее – УПК) РСФСР 1960 г., и получила новую жизнь только с принятием действующего УПК РФ¹ в 2001 г.

Несмотря на немалую историю и опыт применения, домашний арест пока не играет той роли, которая ему отводилась согласно концепции разработчиков УПК РФ 2001 г. Он задумывался как достаточно приемлемая альтернатива заключению под стражу, позволяющая осуществлять изоляцию предполагаемых преступников от общества, при этом не расходуя на их содержание значительных материальных и финансовых ресурсов (только техническое обеспечение). Однако ряд правовых, организационных и технических проблем, с которыми столкнулся правоприменитель, все еще не позволяют домашнему аресту достойно соперничать с заключением под стражу, которое остается одной из наиболее часто применяемых мер пресечения и одновременно наиболее жесткой из них.

В принципе, домашний арест возродился там и тогда, где и когда для этого появились благоприятные обстоятельства, а именно цифровизация всех сфер общественной жизни в целом и уголовного судопроизводства в частности [1, с. 94–95], что привело к ряду нововведений в реализации данной меры: высокотехнологичный инструментарий сегодня позволяет организовать эффективный мониторинг и контроль за подозреваемыми и обвиняемыми, находящимися в условиях домашнего ареста. В связи с этим можно отметить и расширение процессуальной нормативной базы после принятия Правительством РФ Постановления от 18 февраля 2013 г. № 134 (далее – Постановление № 134)².

В настоящее время домашний арест представляет собой одну из мер процессуального принуждения, а именно – меру пресечения, предусмотренную ст. 107 УПК РФ. По уровню содержащихся в ней правоограничений общего статуса гражданина данная мера лишь немногим уступает заключению под стражу. Их объединяет, прежде всего, фактическое лишение гражданина свободы (передвижения, выбора места пребывания, выхода за указанные пределы), соответственно, законодатель не счел возможным наделение дознавателя или следователя возможностью ее избрания, предоставив это право исключительно суду. Стремлением установить дополнительные гарантии подозреваемым или обвиняемым законодатель обусловил ее применение рядом дополнительных факторов. Например, на основании медицинских показаний фактическое пребывание лица, содержащегося под домашним арестом, допускается не в месте его постоянного проживания, а в медицинском учреждении, оказывающем ему лечебную помощь. В некоторых случаях во внимание может приниматься и семейный статус. Суд при этом должен убедиться в том, что домашний арест нельзя заменить любой иной – более мягкой – мерой пресечения [2, с. 67].

В приведенном случае начинает действовать общее для уголовного и уголовно-процессуального законодательства правило – приоритетом при избрании меры наказания и пресечения обладает наиболее мягкая из них. Судья вправе принять решение единолично, но при участии в процессе дознавателя или следователя, подозреваемого (обвиняемого) и его адвоката. Данное решение может быть принято на основании соответствующего ходатайства, которое должно иметь мотивированный характер, т.е. представлять доказательства, указывающие на недопустимость назначения мер пресечения, стоящих выше в иерархической лестнице.

В научной литературе домашний арест обобщенно приравнивается к запрету покидать жилище либо к «тюрьме на дому» [3, с. 28]. Законодатель предполагает, что под воздействием правоограничений лицо, находящееся под домашним арестом, не имеет возможности ни скрыться от правосудия, ни оказать неправомерное воздействие на других участников процесса. Можно с уверенностью утверж-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

² О порядке применения аудиовизуальных, электронных и иных технических средств контроля, которые могут использоваться в целях осуществления контроля за нахождением подозреваемого или обвиняемого в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемым или обвиняемым, в отношении которого в виде меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: постановление Правительства Российской Федерации: [от 18 февраля 2013 г. № 134 (ред. от 15 ноября 2018 г.)] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 8. – Ст. 838.

дать, что в качестве превентивной меры домашний арест способен решать те же задачи, что стоят и перед заключением под стражу, не подвергая ограничениям основополагающие права человека. Главная отличительная особенность домашнего ареста здесь проявляется в том, что при лишении подозреваемого или обвиняемого свободы не происходит изоляции личности от общества, что, напротив, имманентно присуще одноименному виду уголовного наказания (лишению свободы) или мере пресечения в виде заключения под стражу.

Все преимущества домашнего ареста не предустановлены *a priori*. Иными словами, они проявляются лишь при условии обеспечения соответствующего контроля за локацией лица, находящегося под надзором [4, с. 262]. Соответственно, эффективность и целесообразность наличия в уголовно-процессуальном законодательстве подобной меры напрямую зависят от фактора контроля. Контроль, в свою очередь, может быть осуществлен либо установлением круглосуточного поста, либо использованием электронных средств оперативной идентификации локации лица. В первом случае примерно наполовину снижается экономический эффект от замены содержания под стражей домашним арестом, поскольку приходится выделять необходимое количество сотрудников правоохранительных органов и устанавливать круглосуточные посты с целью предупреждения нарушения подконтрольным лицом установленных ему правоограничений.

При избрании той или иной меры пресечения дознаватель (следователь) или суд изначально нацеливается законодателем на экономию репрессии, однако не только ее. Эффективность используемой меры пресечения оценивается с позиции, с одной стороны, затраченных средств, а с другой – достигнутого результата. При таком соотношении аудиовизуальный и технический инструментарий, перечень и порядок применения которого предусмотрены Постановлением № 134, существенно опережают результативность постового надзора.

В отличие от непосредственного контроля (с участием сотрудников на посту), электронные инструменты не способны пресечь нарушения условий домашнего ареста, хотя этого и не требуется. Их задача состоит в том, чтобы зафиксировать нарушение и уведомить об этом соответствующее должностное лицо. Вместе с тем здесь вступает в силу правило соотношения цены и качества: расходы на приобретение и обслуживание технических средств (если учитывать достаточно длительный период и массовое применение) многократно ниже тех, которые бы пришлось произвести на оплату труда сотрудников многочисленных круглосуточных постов (даже если бы удалось принять на службу столько сотрудников). Кроме того, домашний арест, как правило, избирается лицам, подозреваемым и обвиняемым в совершении преступлений, за которые суд не счит возможным применить заключение под стражу, т.е. менее общественно опасных. Само нарушение условий домашнего ареста не несет для общества той угрозы, которую, например, представляет собой побег из-под стражи. Соответственно, и реагирование на такое нарушение допустимо не мгновенное, а спустя какое-то время, после выяснения причин и всех обстоятельств.

Хотя доля применения домашнего ареста относительно невелика (в 2022 г. из числа удовлетворенных ходатайств она составила 7,5 % от всех мер пресечения, применяемых только с разрешения суда³), его включение в систему мер процессуального принуждения является очевидным индикатором гуманизации карательной политики государства.

Несмотря на то, что домашний арест применяется с начала действия УПК РФ, проблемы его назначения и применения продолжают оставаться актуальными как для исследователей, так и для правоприменителей. В попытках выяснения причин, не позволяющих существенно расширить объем применения рассматриваемой меры пресечения, некоторые исследователи углубляются в теоретико-правовые аспекты уголовно-процессуального права, в частности в раскрытие сущности домашнего ареста с позиции права, т.е. его правовой природы.

Несмотря на частое употребление словосочетания «правовая природа» в научных работах, его правильное и точное использование продолжает оставаться дискуссионным [5, с. 23]. Так, рассуждая о сути

³ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2022 г. Раздел 4. – URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2022_go-dovaya/F1-svod_vse_sudy-2022.xls (дата обращения: 04.09.2023). – Текст: электронный.

данного правового явления, В.А. Захаров утверждает, что это вопрос об отраслевой принадлежности норм, которыми данные отношения регулируются [6, с. 52]. Возражая ему, Е.Г. Комиссарова полагает, что разделяющие данное утверждение авторы пытаются выявить то, «чего на самом деле определять и не требуется», поскольку «вопрос об отраслевой принадлежности норм уже является решенным» [5, с. 24].

На наш взгляд, проблема определения отраслевой принадлежности правоотношений, как и норм, их регулирующих, продолжает оставаться актуальной, а необходимость их размежевания сохраняется.

Домашний арест, согласно ст. 107 УПК РФ, относится к мерам пресечения, которые в своей совокупности составляют субинститут такого института уголовно-процессуального права, как меры процессуального принуждения. На первый взгляд, не должно вызывать сомнения, что как нормы, регулирующие названный институт, так и складывающиеся в процессе его применения правоотношения однозначно относятся к уголовно-процессуальному праву и законодательству. Однако, по мнению многих авторов, все не так очевидно, в частности Р.А. Гарипова полагает, что «... в основе домашнего ареста лежит хитросплетение гражданско-правовых и административных правоотношений» [7, с. 136]. В.В. Олейник, поддерживая ее точку зрения, считает, «что изначально основанием для применения домашнего ареста служат уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения, в развитии которых не менее значимая роль отведена уголовно-исполнительным правовым отношениям» [8, с. 153].

Трудно согласиться с приведенными и другими авторами, которые в связи со спецификой и объективной сложностью определения содержания уголовно-процессуальных правоотношений, уяснения круга их участников, соотношения прав-обязанностей между ними безосновательно расширяют круг правоотношений, относящихся к уголовно-процессуальным, соответственно, размывая их.

В науке уголовно-процессуального права уголовно-процессуальные отношения относятся к одному из наиболее дискуссионных вопросов. Причина состоит в том, что, как справедливо подчеркивает профессор В.А. Головкин, «... классическая доктрина правоотношений, выработанная общей теорией права на основании гражданского обязательственного права с присущей ему дихотомией взаимоотношения двух частных лиц (кредитора и должника), не может быть механически перенесена на уголовно-процессуальную почву»⁴. Проводя анализ содержания уголовно-процессуального правоотношения, автор указывает, что в них, помимо привычных участников отношений – управомоченного и обязанного лица, являющихся обладателями прав и обязанностей, составляющих содержание правоотношений, входит общество (государство). В таком случае привычное соотношение, когда каждому субъективному праву одного субъекта корреспондирует юридическая обязанность другого субъекта (и наоборот), нарушается. В результате совершения преступления субъектом уголовно-процессуального правоотношения становимся все мы – общество, как обладатель права на объективное расследование и вынесение справедливого приговора. Именно общество становится обладателем субъективного права, которому корреспондирует юридическая обязанность следователя возбудить уголовное дело, особенно когда потерпевший еще не выявлен либо таковым является само государство. Специфика уголовно-процессуального правоотношения как раз и проявляется в том, что само общество, не обладая правосубъектностью, не может непосредственно отстаивать свои интересы. В таком случае оно делегирует свои права специально создаваемым и наделенным на это властными правами государственным органам и должностным лицам, вступая в правоотношения опосредованно, как-бы находясь за пределами «сцены».

Можно предположить, что, обосновывая домашний арест «хитросплетением» гражданско-правовых и административных правоотношений, Р.А. Гарипова отождествляет меры процессуального принуждения, предусматриваемые разд. IV УПК РФ, с аналогичными по названию мерами, установленными ст. 116 Кодекса административного судопроизводства РФ⁵. Принудительными по своей сущности (но не по названию) являются также меры, закрепленные в ст. 159 Гражданского процессуального кодекса РФ⁶.

Причина, по которой нельзя согласиться с приведенной точкой зрения, связана с предметом правового регулирования, уникальным для каждой отрасли права и законодательства. Предметом уголов-

⁴ Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головкин. – 2-е изд., испр. – Москва: Статут, 2017. – С. 107.

⁵ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: [от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

⁶ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

ного процесса охватываются только те общественные отношения, которые складываются в результате совершенного преступления и в общем виде направлены на его расследование, выявление и справедливое наказание виновного. Соответственно, к уголовно-процессуальному законодательству относятся только те нормативные акты, которые регулируют уголовно-процессуальные отношения.

Таким образом, каким бы сложным ни казалось «хитросплетение» правовых норм, регулирующих домашний арест, они не относятся и не могут в принципе относиться ни к гражданскому, ни к административному праву, поскольку являются порождением исключительно уголовно-процессуального права и законодательства.

Ошибочной, на наш взгляд, представляется и позиция В.В. Олейника, полагающего, что уголовно-процессуальные отношения при применении домашнего ареста реализуются через уголовно-исполнительные. Если бы речь шла об исполнении какого-либо вида уголовного наказания, его реализация действительно была бы возможна только с использованием уголовно-исполнительных правоотношений. В данном же случае мы имеем дело с институтом исключительно уголовно-процессуального права – мерой процессуального принуждения. Тот же факт, что контроль за лицами, которым назначен домашний арест, осуществляют учреждения Федеральной службы исполнения наказаний России (уголовно-исполнительные инспекции)⁷, не свидетельствует о том, что в этот период реализуются уголовно-исполнительные правоотношения. Нужно сказать, что это заблуждение не является новым. Аналогичную ошибку допускают и авторы, полагающие, что следственные изоляторы (как и уголовно-исполнительные инспекции, входящие в уголовно-исполнительную систему), реализуя меру пресечения в виде заключения под стражу, действуют в рамках уголовно-исполнительных правоотношений.

Напомним, что уголовно-процессуальные отношения «возникают лишь после получения правоохранительными органами информации о совершенном или якобы совершенном преступлении»⁸ либо в случаях, когда права и свободы любого лица существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, свидетельствующими о направленной против него обвинительной деятельности, независимо от формального процессуального статуса такого лица⁹. Уголовно-исполнительные же правоотношения возникают с момента вступления в силу обвинительного приговора суда, и только после этого специальный правовой статус обвиняемого (подсудимого) замещается правовым положением осужденного, а уголовно-процессуальные отношения уступают место уголовно-исполнительным (не завершаясь окончательно).

Следовательно, нормы, регулирующие основания, содержание и порядок применения домашнего ареста, относятся исключительно к уголовно-процессуальному законодательству, как и в целом рассматриваемая мера является составной частью института уголовно-процессуального права.

Список литературы

1. *Марковичева Е.В.* Цифровая трансформация российского уголовного судопроизводства // *Правосудие/Justice*. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 86–99.
2. *Папанян Р.Г.* Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе // *Научные исследования*. – 2016. – № 9. – С. 66–67.
3. *Воронов Д.А.* Домашний арест: современное состояние и перспективы // *Научный вестник Омской академии МВД России*. – 2013. – № 4. – С. 28–32.
4. *Назаров В.Н.* Российская практика домашнего ареста как меры пресечения в истории государства // *StudNet*. – 2020. – № 12. – С. 258–264.

⁷ Об утверждении Порядка осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог: приказ Министерства юстиции РФ, МВД России, Следственного комитета РФ и ФСБ России: [от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371]. – URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.08.2023). – Текст: электронный.

⁸ *Гаврилов Б.Я., Крымов В.А.* Уголовно-процессуальные правоотношения в досудебном производстве: учеб. пособие. – Москва: Академия управления МВД России, 2021. – С. 15.

⁹ О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 30 июня 2015 г. № 29] // *Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации*. – 2015. – № 9.

5. Комиссарова Е.Г. Формально-логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2012. – № 2. – С. 23–27.
6. Захаров В.А. Создание юридических лиц: правовые вопросы: монография. – Москва: Норма, 2002. – 202 с.
7. Гарипова Р.А. Меры пресечения: закон и практика // Символ науки. – 2016. – № 1. – С. 136–137.
8. Олейник В.В. Домашний арест как мера пресечения в уголовном процессе на современном этапе // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1. – С. 153–160.

References

1. Markovicheva E.V. Cifrovaya transformaciya rossijskogo ugolovnogogo sudoproizvodstva // Pravosudie/Justice. – 2020. – Т. 2, № 3. – С. 86–99.
2. Papanyan R.G. Domashnij arest kak mera presecheniya v ugolovnom processe // Nauchnye issledovaniya. – 2016. – № 9. – С. 66–67.
3. Voronov D.A. Domashnij arest: sovremennoe sostoyanie i perspektivy // Nauchnyj vestnik Omskoj akademii MVD Rossii. – 2013. – № 4. – С. 28–32.
4. Nazarov V.N. Rossijskaya praktika domashnego aresta kak mery presecheniya v istorii gosudarstva // Stud-Net. – 2020. – № 12 – С. 258–264.
5. Komissarova E.G. Formal'no-logicheskie aspekty ponyatiya "pravovaya priroda" // Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki. – 2012. – № 2. – С. 23–27.
6. Zaharov V.A. Sozdanie yuridicheskikh lic: pravovye voprosy: monografiya. – Moskva: Norma, 2002. – 202 s.
7. Garipova R.A. Mery presecheniya: zakon i praktika // Simvol nauki. – 2016. – № 1. – С. 136–137.
8. Olejnik V.V. Domashnij arest kak mera presecheniya v ugolovnom processe na sovremennom etape // Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika. – 2018. – № 1. – С. 153–160.

УДК 343.81

ВЛИЯНИЕ НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ НА РАЗВИТИЕ ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ УРАЛА В 1935–1940 гг. АТЛЯНСКАЯ КОЛОНИЯ

Евсеев Иван Валентинович¹,

канд. юрид. наук,
e-mail: iiiiiv@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Рассматривается период образования и функционирования одного из исправительных учреждений – Атлянской трудовой колонии, начиная с его организации и заканчивая реорганизацией. На основе представленных в хронологическом порядке нормативных актов и впервые введенных в научный оборот архивных материалов формулируется вывод о том, что Атлянская трудовая колония для несовершеннолетних с момента учреждения в 1935 г. и до 1940 г. являлась местом перевоспитания и обучения воспитанников. Можно констатировать, что в первой половине 30-х гг. XX в. в отдельных учреждениях при активном содействии сотрудников, работающих в трудовых колониях, внедрялся дифференцированный подход к воспитанию. Весьма значимым и эффективным средством исправления подростков-правонарушителей стал патронаж (наставничество) со стороны мастеров – специалистов, которые передавали детям свой опыт. Приводятся положительные наработки отдельных трудовых колоний в деле перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в 1935–1940 гг.

Ключевые слова: постановление, исправительно-трудовые учреждения, трудовая колония, воспитанники, несовершеннолетние, воспитательный процесс

THE INFLUENCE OF REGULATIONS ON THE DEVELOPMENT OF LABOR INSTITUTIONS IN THE URALS IN 1935–1940. ATLYAN PENAL COLONY

Evseyev I.V.¹,

Candidate of Legal Sciences,
e-mail: iiiiiv@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

This article examines the period of forming and functioning of such correctional institution, as Atlyan labor colony, from the moment of organization to the moment of reorganization. Based on the normative acts presented in chronological order and archival materials launched into scientific circulation for the first time, the author comes to the conclusion that the Atlyan labor colony for minors, since its establishment in 1935 and until 1940, was a place for re-education and training of pupils. It can be stated that in the first half of the 1930s, in certain institutions, with the active assistance of employees working in labor colonies, a differentiated approach to education was introduced. A very significant and effective means of correcting teenage delinquents was patronage (mentoring) from masters – specialists who captivated children with their skills. Thus, the author points to the positive achievements of individual labor colonies in the re-education of juvenile offenders in the early 1930–1940s.

Keywords: resolution, correctional labor institutions, labor colony, pupils, minors, educational process

DOI 10.21777/2587-9472-2023-4-36-41

Развитие человеческого общества, как процесса, происходит поступательно и бурно: что-то возникает или учреждается, а что-то исчезает или преобразуется. В определенных исторических масштабах данный процесс почти незаметен относительно отдельных сфер общественных отношений или систем, что, в свою очередь, оказывает влияние на всю систему. Так, реформирование системы исполнения уголовного наказания в отношении несовершеннолетних проходит для всей системы почти незаметно. Реформаторы и законодатели апробируют новые виды учреждений и экспериментируют с нормами права в деле организации режима и воспитательной работы¹, иногда не обращаясь к историческим истокам. История же в этом случае может выступать как кладезь исторического опыта и исторических результатов.

Опыт, накопленный обществом в истории уголовно-исполнительной системы, может быть поучительным и рациональным в плане применения. Опыт всегда оказывает свое влияние на формирование и развитие каждого учреждения, а если он касается развития самого учреждения исполнения наказания, то он интересен с позиции использования региональных приемов и методов воспитания в конкретном регионе России. Главным является то, чтобы этот исторический опыт был правдивым и поучительным.

Известный историк И.Д. Ковальченко [1, с. 86–96] подчеркивал значимость исторических знаний. Исследователь рассматривал знание как часть общественно-научной мысли. В своих работах он указывал, что «внимание и соотнесение выводов историка с проблемами современности» [2] есть правильный путь развития в отношении какого-либо учреждения. Это можно отнести и к известной колонии для несовершеннолетних Южного Урала, располагающейся в п. Атлян. На Южном Урале все слышали об указанном месте, однако на вопросы о том, что это за учреждение, какова его история, не смогли ответить даже бывшие сотрудники колонии.

В статье на основе исторического анализа архивных материалов, предоставленных учреждениями Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ГУФСИН) по Челябинской области, мы попытаемся выделить положительные исторические моменты в истории Атлянской трудовой колонии для несовершеннолетних в 1935–1940 гг.

По приведенной теме даже в учреждениях регионального ГУФСИН очень мало материалов [3], в силу чего архивные документы, представленные в работе, помогут восстановить исторические проблемы, ознакомить читателей с работой учреждения в 1935–1940 гг., положительным опытом, который имелся в нем.

В первую очередь, для понимания исторических процессов, происходящих в СССР в 1930–1940 гг., необходимо отметить, что советская власть формировала свою исправительно-трудовую систему на историческом фундаменте, который ей достался в наследство от Российской империи. После Гражданской войны и в период первых пятилеток советская власть вновь обратилась к опыту главного тюремного управления империи. Так, образовался Западный горнозаводской куст исправительно-трудовых учреждений отделов мест заключения и трудовых поселений Управления народного комиссариата внутренних дел по Челябинской области (далее – Западный горнозаводской куст исправительно-трудовых учреждений ОЗ и ТП УНКВД по Челябинской области).

Западный горнозаводской куст исправительно-трудовых учреждений ОЗ и ТП УНКВД по Челябинской области охватывал учреждения, располагающиеся на тех же площадках, пунктах и тюремных помещениях, оставшихся от царского прошлого в городах и поселках Южного Урала, таких как Златоуст, Сатка, Миасс, Бакал [4; 5]. В перечисленных поселках и городах размещались промышленные объекты, на которых использовался труд сидельцев. Из-за нехватки рабочих рук в XIX в. управление Златоустовским горным округом заключило с Главным тюремным губернским управлением контракты на привлечение осужденных к работам на заводах и рудниках горного округа. В местах будущих работ – на заводах и рудниках – создавались тюремные командировки, а в 1920–1930 гг. – лагпункт или исправительно-трудовая колония Принудкуста [6].

¹ О внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы»: Федеральный закон: [от 11 июня 2022 г. № 170-ФЗ]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_419059 (дата обращения: 21.10.2023). – Текст: электронный.

В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. перед страной встал вопрос о формировании детских исправительных учреждений, чему способствовало резкое увеличение преступности со стороны несовершеннолетних граждан. Значимость вопроса подтверждается тем фактом, что вопрос организации учреждений изоляции несовершеннолетних правонарушителей рассматривался на уровне Совета народных комиссаров (далее – СНК) и Центрального комитета Всесоюзной коммунистической партии большевиков (далее – ЦК ВКП(б)).

Так, согласно Постановлению Центральной избирательной комиссии (далее – ЦИК) и СНК СССР от 7 апреля 1935 г. № 3/598 «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних»² несовершеннолетние осужденные должны были содержаться в специальных учреждениях. В п. «В» постановления указывалось, что «к несовершеннолетним в возрасте 14–16 лет применять принудительные работы в случаях нецелесообразности применения других мер и при том, если исполнение этих работ специально организовано в учреждениях».

Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» в специальном разделе «Об улучшении состояния детских домов и трудовых колоний»³ установило два основных вида детских учреждений исполнения наказания. Такими учреждениями признавались колонии для воспитания и исправления, детские дома. В документе указывалось следующее: «Обязать Наркомфин Союза ССР установить такой порядок финансирования детских домов и трудколоний, при котором было бы обеспечено содержание в детских домах по установленным нормам фактически имеющегося в них числа детей. Освободить все хозяйственные операции детских домов, трудовых колоний и приемников от обложения всеми видами налогов»⁴.

С изменением законодательства в 30-х гг. XX в. в СССР исправительно-трудовая система в русле государственной установки – «исправления трудом» – повсеместно организовывала трудовые колонии для несовершеннолетних. В Челябинской области в соответствии с законом были организованы три исправительно-трудовые колонии на базе бывших подразделений пинудкустов ОМЗ и ТП УНКВД по Челябинской области в Копейске, Миассе и Атяне. Для таких учреждений Народный комиссариат внутренних дел (далее – НКВД) СССР впервые в своих отчетах, начиная с 1934 г., определил лимит наполняемости спецконтингентом из осужденных несовершеннолетних. Таким образом, к концу того же года лимит составлял 9573 человека. В дальнейшем он оставался на уровне 10–12 тыс. человек, что было явно недостаточно. Отметим, что перед войной в системе исправительно-трудовых учреждений работало 50 колоний для несовершеннолетних [7].

28 ноября 1935 г. специальным приказом № 216 начальника управления НКВД СССР по Челябинской области на базе бывшего пункта размещения трудпоселенцев была открыта воспитательно-трудовая колония открытого вида в п. Атян. В приказе указывалось, что колония имеет предельную численность спецконтингента в размере 600 воспитанников, на что стоит обратить внимание. Анализ фотодокументов из Атянской колонии указывает на то, что специального режима для воспитанников не было, в отличие от лиц, содержащихся в исправительно-трудовых колониях. Воспитанием и управлением занимались штат из восьми человек гражданского персонала и около 200 трудпереселенцев в зависимости от года учета. Первым начальником учреждения назначили В.Д. Шагилова, который являлся учителем, а не представителем НКВД. Он принимал будущих воспитанников по 50 человек в день из разных учреждений, включая тюрьмы. С момента организации и до конца 1935 г. в учреждение прибыли 457 воспитанников. В самом учреждении оставались еще 195 человек из числа трудпереселенцев и 8 сотрудников колонии⁵.

Воспитанники размещались в шести бараках, а трудпоселенцы по-прежнему проживали в своих землянках. Режимных зон между спецконтингентом не было. Трудпоселенцы и воспитанники до

² О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: постановление Центральной избирательной комиссии и Совета народных комиссаров СССР: [от 7 апреля 1935 г. № 3/598] // Собрание законодательства СССР. – 1935. – № 19.

³ О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних: постановление Центральной избирательной комиссии и Совета народных комиссаров СССР: [от 7 апреля 1935 г.] // Государственный архив Российской Федерации. – Ф. 9401. – Оп. 12. – Д. 103. – Л. 35.

⁴ Архив Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Челябинской области. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 4.

⁵ Там же.

1939 г. могли общаться друг с другом как на производстве, так и в самой колонии. Трудпоселенцы по-прежнему вновь прибывшим воспитанникам обустроивались на новом месте и по возможности передавали свой опыт по изготовлению ножей и столярных изделий. Следует обратить внимание на тот факт, что за три года ни один воспитанник не воспользовался ножом для противоправной деятельности. Это являлось своего рода показателем воспитательной работы со стороны как сотрудников, так и трудпоселенцев. Несовершеннолетние воспитанники поступали в колонию со всей страны. В числе прибывших были подростки, поддерживающие воровские порядки, но до 1940 г. они были в меньшинстве и редко себя проявляли, т.к. численный перевес был на стороне сотрудников колонии, к которым можно в этом плане отнести и трудпоселенцев. Это были взрослые люди, не знающие воровских понятий и правил. Они относились к воспитанникам как к своим детям, а заблудшим подросткам по-отцовски могли указать на их поведение.

Ключевой проволокой, сторожевых вышек и режимных зон в трудовой колонии изначально не было. Охрану объекта и меры по предотвращению побегов осуществляли сотрудник колонии и уполномоченные лица из числа трудпоселенцев.

Лишь в 1939 г. появились режимные зоны. Сотрудники НКВД составили основную массу сотрудников администрации трудовой колонии, а начальником учреждения стал лейтенант госбезопасности А.П. Булыкин. Это указывает на постепенное ужесточение режима и переход от перевоспитания к организации режима отбывания наказания. В документе об организации колонии указано, что на момент основания колонии на ее территории находилось шесть каркасных бараков для спецконтингента, три многоквартирных дома для служащих и несколько десятков землянок от бывших раскулаченных специального трудпоселения ОМЗ и ТП УНКВД по Челябинской области⁶.

К основным занятиям трудпоселенцев относились переработка древесины, заготовленной в местном лесничестве, сельское хозяйство, гончарное производство, изготовление черенков для лопат и метел для металлургических заводов и т.д. Все производство основывалось на ручном труде. Механизмы не применялись из-за отсутствия электроэнергии.

С первых дней трудовая колония менялась: взрослые и воспитанники сообща обустроивали быт, строили жилые помещения, столовую, клуб, школу, совместно работали на полях и производственных площадках. Сотрудники и трудпоселенцы не делали различия между своими детьми и воспитанниками. Все это строилось с учетом меняющегося контингента. К примеру, на 1936 г. воспитанников было 457, а в 1939 г. – всего 344 человека из числа спецконтингента.

Еще к одному положительному моменту в деятельности трудовой колонии следует отнести школьное обучение. На начало учебного процесса, если верить отчетам, посещаемость составляла 72 % от общего списочного состава, успеваемость – 63 %, прогулы без уважительной причины – 14 %, а не аттестованными являлись 83 воспитанника. Из числа воспитанников 46 остались на повторное обучение. В 1938–1939 гг. охват обучения в школе составил 100 % списочного состава, успеваемость – 98,7 %, прогулы без уважительной причины – 0,35 %, отличниками стали 54 человека, на повторное обучение не было оставлено ни одного воспитанника.

За четыре года все преобразилось. Были построены четыре двухэтажных здания – общежития для воспитанников, шесть двухэтажных, четыре одноэтажных восьмиквартирных домика для служащих и 64 жилых частных дома для жителей из числа оставленных трудпоселением для помощи. Были построены школа с мастерскими на производстве столярных изделий и обработки железа, больница-стационар и клуб с киноустановкой, своя электростанция, слесарная мастерская, здание управления колонией.

Все перечисленное указывает на тот факт, что спецконтингент из числа несовершеннолетних, спецпоселенцы-наставники и служащие учреждения работали как единая семья. Дети служащих колонии учились и работали наравне с воспитанниками. Личным примером сотрудники учреждения показывали воспитанникам, как нужно трудиться, а трудпоселенцы передавали свой опыт по столярному делу и изготовлению армейских ножей. Воспитанники, замечая это, стремились не подводить на-

⁶ Архив Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Челябинской области. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 4.

ставников и воспитателей. Это прослеживается по отчету о работе Атлянской трудовой колонии ОТП УНКВД по Челябинской области за 1935–1939 гг.⁷ Представители отрицательного спецконтингента, поддерживающие «вороские» традиции, в такой обстановке и с учетом численного меньшинства не могли существенно повлиять на работу колонии.

В 1940 г. в порядке выполнения Приказа НКВД от 10 сентября 1939 г. № 609 в п. 1 указывалось: «Реорганизовать Витебскую, Томскую..., Атлянскую и Саратовскую трудовые колонии для несовершеннолетних в колонии закрытого типа с особым режимом для контингента»⁸. О самоуправлении в них уже не говорилось, а число сотрудников, положительно влияющих на воспитанников, снизилось в разы.

Всего через трудовые колонии с середины 1935 г. до начала 1940 г. прошли 155 506 подростков в возрасте 12–18 лет (из них 68 927 – осужденные, 86 579 – не имеющие судимости) [8].

Соответственно, можно констатировать, что в первой половине 30-х гг. XX в. в отдельных учреждениях на практике активно внедрялся дифференцированный подход к воспитанию при активном содействии сотрудников, работающих в трудовых колониях. Весьма значимым и эффективным средством исправления подростков-правонарушителей стал патронат (наставничество) со стороны мастеров – специалистов, которые передавали детям навыки и секреты профессии.

В трудовой колонии несовершеннолетние воспитанники приобретали рабочую профессию, старшие им оказывали поддержку, содействие, являлись, как мы уже говорили, для них наставниками, что, в свою очередь, обеспечивало трудовую занятость и подготовку к жизни в обществе, способствовало сокращению подростковой преступности.

Необходимо отметить, что положительные наработки отдельных трудовых колоний в деле перевоспитания несовершеннолетних правонарушителей в начале 40-х гг. XX в. отодвинулись на второй план. Воспитание уступило место производственным показателям, а положительный опыт был забыт. Произошло ужесточение исправительно-трудовой политики, а также усиление карательного воздействия на несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных в условиях изоляции.

Список литературы

1. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – 2-е изд., доп. – Москва: Наука, 2003. – 486 с.
2. Михеенков Е.Г. Историко-правовые аспекты отбывания лишения свободы несовершеннолетними преступниками в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны (1935–1945 гг.). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovye-aspekty-otbyvaniya-lisheniya-svobody-nesovershennoletnimi-prestupnikami-v-predvoennyu-period-i-v-gody-velikoy-otечественной-voyny> (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный.
3. Сычев Г.П. Страницы истории Атлянской воспитательной колонии в документах, воспоминаниях, фотографиях, публикациях. – Атлян, 2020. – 508 с.
4. Евсеев И.В., Служкин С.В. Организация специализированных учреждений исполнения уголовного наказания при заводах горного правления Урала для политических преступников // Право и общество. – 2020. – № 2. – С. 4–8.
5. Обзор Уфимского губернского тюремного инспектора мест заключения Уфимской губернии ... / [Губ. тюрем. инспектор Кашнев]. – Уфа: Паровая типо-лит. А.П. Зайкова, 1899. – 56 с.
6. Евсеев И.В. Контингент уголовно-исправительной системы южного Урала в 1920–1950-е гг. (политико-правовые аспекты) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 12. – С. 58–65.
7. Кудимов А.Ф. Историческая справка о создании и организации пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей // Труды Всесоюзного научно-исследовательского института МВД СССР. – 1973. – № 16. – С. 70–72.
8. Белова Н.А. История пенитенциарных учреждений для несовершеннолетних правонарушителей в СССР в 30-е гг. XX в. – Текст: электронный // Ведомости уголовно-исполнительной системы. –

⁷ Архив Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации по Челябинской области. – Ф. 4. – Оп. 1. – Д. 4.

⁸ Приказ Народного комиссариата внутренних дел СССР: [от 10 сентября 1939 г. № 609] // Государственный архив Ярославской области. – Ф. Р-2223. – Оп. 1. – Д. 5. – Л. 319.

2018. – № 7. – С. 13–20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-penitentsiarnyh-uchrezhdeniy-dlya-nesovershennoletnih-pravonarushiteley-v-sssr-v-30-e-gody-xx-veka/viewer> (дата обращения: 14.09.2023).

References

1. *Koval'chenko I.D.* Metody istoricheskogo issledovaniya. – 2-e izd., dop. – Moskva: Nauka, 2003. – 486 s.
2. *Miheenkov E.G.* Istoriko-pravovye aspekty otbyvaniya lisheniya svobody nesovershennoletnimi prestupnikami v predvoennyj period i v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1935–1945 gg.). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriko-pravovye-aspekty-otbyvaniya-lisheniya-svobody-nesovershennoletnimi-prestupnikami-v-predvoennyj-period-i-v-gody-velikoy> (дата обращения: 10.09.2023). – Текст: электронный.
3. *Sychev G.P.* Stranicy istorii Atlyanskoj vospitatel'noj kolonii v dokumentah, vospominaniyah, fotografiyah, publikacijah. – Atlyan, 2020. – 508 s.
4. *Evseev I.V., Slukin S.V.* Organizaciya specializirovannyh uchrezhdenij ispolneniya ugovnogo nakazaniya pri zavodah gornogo pravleniya Urala dlya politicheskikh prestupnikov // Pravo i obshchestvo. – 2020. – № 2. – С. 4–8.
5. Obzor Ufimskogo gubernskogo tyuremnogo inspektora mest zaklyucheniya Ufimskoj gubernii ... / [Gub. tyurem. inspektor Kashnev]. – Ufa: Parovaya tipo-lit. A.P. Zajkova, 1899. – 56 s.
6. *Evseev I.V.* Kontingent ugovno-ispravitel'noj sistemy yuzhnogo Urala v 1920–1950-e gg. (politiko-pravovye aspekty) // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2014. – № 12. – С. 58–65.
7. *Kudimov A.F.* Istoricheskaya spravka o sozdanii i organizacii penitentsiarnyh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej // Trudy Vsesoyuznogo nauchno-issledovatel'skogo instituta MVD SSSR. – 1973. – № 16. – С. 70–72.
8. *Belova N.A.* Istoriya penitentsiarnyh uchrezhdenij dlya nesovershennoletnih pravonarushitelej v SSSR v 30-e gg. XX v. – Текст: электронный // Vedomosti ugovno-ispolnitel'noj sistemy. – 2018. – № 7. – С. 13–20. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-penitentsiarnyh-uchrezhdeniy-dlya-nesovershennoletnih-pravonarushiteley-v-sssr-v-30-e-gody-xx-veka/viewer> (дата обращения: 14.09.2023).

УДК 343.2/7

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО КИТАЯ В БОРЬБЕ С КОРРУПЦИЕЙ

Лун Чанхай¹,

постдоктор юридических наук,

e-mail: longchanghai@imu.edu.cn,

¹Университет Внутренней Монголии, г. Хух-Хото, Китайская Народная Республика

Усилия Китая в борьбе с коррупцией в последние годы являлись беспрецедентными. Большое количество коррумпированных лиц были привлечены к дисциплинарной и даже к уголовной ответственности. В 2003 г. китайское правительство подписало Конвенцию ООН против коррупции, а в 2005 г. Китай ратифицировал присоединение к ней. После этого страна начала серию поправок и усовершенствований в антикоррупционные нормы. Антикоррупционные обновления китайского уголовного законодательства характеризуются тем, что ядром субъектов коррупционных правонарушений являются государственные чиновники, субъекты-физические лица и субъекты-юридические лица сосуществуют, а также сохраняется высокое давление в отношении коррупционных правонарушений. Помимо внесения необходимых изменений в национальное законодательство Китай предпринял соответствующие шаги в части позиционирования себя на международной арене как страны, непримиримой к коррупционному поведению служащих. Для того чтобы наказать и предотвратить коррупционное поведение, неизбежным выбором для Китая стало укрепление международного сотрудничества в борьбе с коррупцией.

Ключевые слова: противодействие коррупции, Конвенция ООН против коррупции, взяточничество, международное возвращение беглых преступников

CHINA'S ANTI-CORRUPTION CRIMINAL LEGAL NORMS AND INTERNATIONAL COOPERATION

Long Changhai¹,

Postdoctoral Fellowship in Law,

e-mail: longchanghai@imu.edu.cn,

¹Inner Mongolia University, Hohhot, People's Republic of China

China's anti-corruption efforts in recent years have been unprecedented. A large number of corrupt individuals have been brought to disciplinary and even criminal responsibility. In 2003, the Chinese Government signed the UN Convention against Corruption, and in 2005, China ratified its accession to the Convention. After the accession, China has begun a series of amendments and improvements to anti-corruption norms. The anti-corruption accusations of Chinese criminal law are characterized by the fact that state officials are the core of the subjects of corruption-related offenses; physical entities and legal entities as subjects also co-exist there; and high pressure is maintained on corruption offenses. In addition to making the necessary changes to national legislation, China has taken appropriate steps to position itself internationally as a country that does not tolerate corrupt behavior by officials. In order to punish and prevent corrupt behaviors, strengthening international cooperation against corruption has become an inevitable choice for China.

Keywords: anti-corruption, UN Convention against Corruption, bribery, international return of fugitive criminals

DOI 10.21777/2587-9472-2023-4-42-48

Коррупция – серьезная угроза всему человеческому обществу. В современном мире она приобретает тенденцию к глобальному распространению. Совершив коррупционные действия в одной стране, коррупционеры во избежание наказания сбегают в другие страны, что также придает коррупции транснациональный характер. Из-за различий в правовых системах между странами и влияния международных политических факторов трудно бороться с международной коррупцией. Борьба с коррупцией является обязательством не только одной страны и требует совместных усилий всех стран мира. Конвенция ООН против коррупции¹ является знаковым достижением международного сотрудничества в области борьбы с ней. Что же касается борьбы с коррупцией и ее предотвращения, Китай придерживается уголовной политики сочетания снисходительности и строгости, постоянно совершенствует уголовные законы и положения в данной области и осуществляет плодотворное международное сотрудничество.

Антикоррупционная уголовная политика Китая

В вопросе коррупции Китай занимает четкую позицию и жестко наказывает за нее. В начале основания КНР Коммунистическая партия Китая и правительство четко определили основную политику строгого наказания за коррупцию. В ходе более чем 70-летнего развития с момента основания КНР Коммунистическая партия Китая смогла создать два чуда: быстрое экономическое развитие и долгосрочную социальную стабильность.

С прогрессом росла и коррупция, создавая серьезную угрозу экономическому развитию и социальной стабильности Китая, вплоть до того, что она когда-то стала скрытой опасностью, которая серьезно нарушала права и интересы граждан, угрожала социальной стабильности и национальной безопасности.

Коммунистическая партия Китая и правительство осознают вред коррупции и тяжелые последствия для народа и страны, поэтому решительно и всесторонне продвигают борьбу с ней. Еще в 1952 г. в КНР принят первый специальный антикоррупционный закон – «Положение Китайской Народной Республики о наказании за коррупцию». С тех пор Уголовный кодекс КНР 1979 г. четко определяет коррупцию, взяточничество и другие деяния как коррупционные преступления и предусматривает суровое наказание. Что же касается содействия борьбы с коррупцией, XVIII съезд Коммунистической партии Китая, состоявшийся в 2012 г., усилил антикоррупционные усилия и принял политику «отсутствия ограничений, полного охвата и абсолютной нетерпимости» к коррупции и коррупционным деяниям [1, с. 166]. Перед лицом острой ситуации с коррупцией Китай с помощью жестких методов, решительности, усердия и непоколебимости «сражается с тиграми, отстреливает мух и охотится на лис», что прояснило ситуацию и выявило серьезные скрытые опасности, существующие внутри партии, страны и армии [2, с. 543]. Китай «настаивает на подходе нулевой нетерпимости к борьбе с коррупцией. Что же касается коррупционеров, то их необходимо решительно устранять, если они будут обнаружены» [3, с. 394]. Преодолевая коррупцию и постоянно совершенствуя антикоррупционную правовую систему, конечная цель Китая заключается в достижении стратегической цели «не осмелиться заниматься коррупцией, не иметь возможности заниматься коррупцией и не хотеть заниматься коррупцией» [2, с. 543]. Можно сказать, что антикоррупционные усилия Китая в последние годы достигли неслыханного уровня. Большое количество коррупционеров привлечено к дисциплинарной и даже уголовной ответственности. За пять лет, прошедших с XIX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая в 2017 г., органы по проверке дисциплины и надзору Китая возбудили в общей сложности 3,066 млн дел и приговорили 2,992 млн человек, а в органы прокуратуры переданы 13 тыс. человек².

Уголовное право является последним аргументом наказания и предотвращения коррупции, а также важным законом для обеспечения реализации национальной антикоррупционной политики. В на-

¹ Конвенция ООН против коррупции: [принята в г. Нью-Йорке 31 октября 2003 г. резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 12.11.2023). – Текст: электронный.

² Отчет XX Национальному съезду Коммунистической партии Китая о работе XIX Центральной комиссии по проверке дисциплины // Хайнань Дейли. – 2022. – 28 октября.

стоящее время антикоррупционная политика Китая находится «под руководством Коммунистической партии Китая, формулируется и осуществляется соответствующими партийными и государственными органами с использованием ряда средств, таких как уголовные меры, руководящие принципы, стратегии и методы управления коррупционными преступлениями. «Борьба с коррупцией в соответствии с законом, разрешение как симптомов, так и основных причин, а также большое внимание на ее предотвращении» составляют основу уголовной политики Китая в борьбе с коррупцией на современном этапе [4, с. 73]. Руководствуясь данной антикоррупционной уголовной политикой, Китай пересмотрел и усовершенствовал ряд законов и постановлений, создал правовую основу для борьбы с коррупцией.

Согласно соответствующим положениям уголовного законодательства Китая, большое количество коррупционеров были привлечены к уголовной ответственности. В 2013–2017 гг. Верховный народный суд Китая вынес 195 тыс. судебных решений по делу о коррупции и взяточничестве, в которых приняли участие 263 тыс. человек, среди которых 101 являлись бывшими работниками провинциального или министерского уровня или выше, а 810 – работниками на уровне департаментов или бюро. За взяточничество были осуждены 13 тыс. человек³. С тех пор китайскими судами всех уровней были вынесены решения по делам о коррупции, взяточничестве и должностных преступлениях. Так, в 2018 г. их количество составило 28 тыс. и 33 тыс. дел, в 2019 г. – 25 тыс. и 29 тыс. дел, в 2020 г. – 22 тыс. и 26 тыс. дел, в 2021 г. – 23 тыс. и 27 тыс. дел⁴. Можно сказать, что в определенной степени коррупция в Китае была подавлена.

Антикоррупционные нормы уголовного права Китая

10 декабря 2003 г. правительство Китая подписало Конвенцию ООН против коррупции (далее – Конвенция). В 2005 г. Китай ратифицировал и присоединился к Конвенции, после чего открылся путь к пересмотру и совершенствованию ряда антикоррупционных норм в уголовном законодательстве Китая.

«Поправка к Уголовному закону (6)», принятая в 2006 г., в ст. 163 и 164 Уголовного кодекса Китая⁵ добавила сотрудников компаний и других подразделений, отличных от предприятий, в качестве объектов и субъектов взяточничества. Эта поправка реализует требования к управлению ст. 21 Конвенции о взяточничестве в частном секторе. «Поправка (7) к уголовному законодательству», принятая в 2009 г., добавила положения о преступлении «использовании взяточполучателем авторитета». Эта поправка отражает статью Конвенции «торговля влиянием». В «Поправку к уголовному закону (8)», принятую в 2011 г., добавлены положения о «преступлении, заключающемся в даче взятки иностранным публичным должностным лицам и должностным лицам публичных международных организаций». Эта редакция отражает ст. 16 Конвенции о «подкупе иностранных публичных должностных лиц или должностных лиц публичных международных организаций». «Поправка к уголовному закону (9)», принятая в 2015 г., еще больше ужесточила наказание за коррупционные преступления. При построении антикоррупционной системы, чтобы ответить на уголовную политику «строгого контроля за смертной казнью», в ст. 383 Уголовного кодекса Китая было добавлено следующее: «Если лицу, совершившему одно из перечисленных в части первой деяний и при наличии перечисленных в пункте третьем обстоятельств, назначена смертная казнь с отсрочкой исполнения приговора, народный суд, учитывая обстоятельства совершения преступления, по истечении двух лет наказание может заменить пожизненным тюремным заключением, и не допускается ни смягчение наказания, ни условно-досрочное освобождение». Кроме того, система пожизненного заключения, применяемая к преступлениям, связанным с коррупцией и получением взяток, также официально появилась в уголовном законодательстве Китая. «Поправка к Уголовному закону (9)» добавила положение о «преступлении в виде дачи взятки влиятельным людям», что вскоре будет наказывать за дачу взятки близким родственникам ушедших в

³ Чжоу Цян. Отчет о работе Верховного народного суда на первом заседании XIII Всекитайского собрания народных представителей 9 марта 2018 г. – URL: <http://gongbao.court.gov.cn> (дата обращения: 27.01.2023). – Текст: электронный.

⁴ См.: Отчет о работе Верховного народного суда Китая. – URL: <https://www.court.gov.cn> (дата обращения: 28.01.2023). – Текст: электронный.

⁵ Уголовный кодекс Китайской Народной Республики. – URL: http://ru.china-embassy.gov.cn/rus/zfhz/zgflyd/201601/t20160111_3149373.htm (дата обращения: 12.11.2023). – Текст: электронный.

отставку государственных служащих, действующих или ушедших в отставку государственных служащих, и квалифицируется как преступление, что еще более ужесточает меры. Кроме того, «Поправка к уголовному закону (9)» также пересмотрела квалификацию преступлений (если ранее критерием выступала сумма взятки, то сейчас – «сумма + обстоятельства»), а также увеличено наказание за преступления, связанные со взяточничеством, добавлены имущественные штрафы за коррупционные преступления, взяточничество и т.д.

В настоящее время с точки зрения антикоррупционного уголовного законодательства Китая сформировались преступления коррупции (ст. 382, 383), преступления хищения государственных средств (ст. 384), преступления получения взятки негосударственными служащими (ст. 163) (государственные должностные лица), взяточничество (ст. 385, 386, 388), получение взятки государственными подразделениями (ст. 387), использование влияния для получения взятки (ст. 388), предложение взятки негосударственному персоналу (п. 1 ст. 164), преступление дачи взятки (государственным служащим) (ст. 389, 390), преступление дачи взятки юридическим лицам (ст. 391), преступление дачи взятки юридическим лицам (ст. 393), преступление предложения взятки иностранным публичным должностным лицам, преступление дачи взятки должностным лицам публичных международных организаций (п. 2 ст. 164), преступление дачи взятки влиятельным лицам (ч. 1 ст. 390), преступление дачи взятки (ст. 392) и преступления по неизвестным источникам крупных сумм имущества (ст. 395).

Законодательство Китая в борьбе с коррупционными преступлениями имеет определенные особенности.

Во-первых, государственные служащие являются основным объектом коррупционных преступлений. Согласно ст. 93 Уголовного кодекса КНР государственными служащими являются служащие, посвятившие себя государственной службе в государственных учреждениях. Служащие, посвятившие себя государственной службе в государственных компаниях, предприятиях, организациях, народных коллективах, служащие государственных учреждений, компаний, предприятий, организаций, которых назначают на работу в негосударственные компании, предприятия, организации, общественные объединения, а равно и прочие служащие, которые, согласно закону, посвятили себя государственной службе, также считаются государственными служащими.

Во-вторых, китайское уголовное законодательство предусматривает двойную структуру субъектов уголовной ответственности, при которой субъект-физическое лицо и субъект-юридическое лицо сосуществуют. Что же касается коррупционных преступлений, то также имеется бинарная структура, в которой сосуществуют субъекты-физические лица и субъекты-юридические лица.

В-третьих, судя по суровости санкций, уголовное законодательство Китая по-прежнему уделяет повышенное внимание коррупционным преступлениям. В наибольшей степени это проявляется в условиях резкого сокращения смертной казни в Китае (в настоящее время в уголовном законодательстве Китая насчитывается 46 преступлений, предусматривающих смертную казнь), особенно в условиях политики постепенной отмены смертной казни за ненасильственные преступления, преступления коррупции, а за взяточничество по-прежнему сохраняется смертная казнь. Например, в 2021 г. судебные органы Китая определили, что Лай Сяоминь, будучи государственным служащим, использовал свое положение в целях получения льгот для других, а также использовал полномочия статуса в целях получения неправомερных льгот для других посредством действий других государственных служащих, занимающих его должность, и незаконно присвоил имущество других лиц на общую сумму более 1,788 млрд юаней, в связи с чем был приговорен к смертной казни⁶.

В-четвертых, нормы уголовного законодательства Китая в борьбе с коррупцией постепенно совершенствуются и отражают требования Конвенции. Данный вывод можно сделать из упомянутого пересмотра и совершенствования ряда норм уголовного законодательства в борьбе с коррупцией после присоединения Китая к Конвенции.

В-пятых, постепенно ужесточается наказание за коррупцию со стороны сотрудников частного сектора. Поправка к Уголовному кодексу (11) ужесточает установленное законом наказание за преступление получения взятки негосударственным служащим в ст. 163 Уголовного кодекса Китая практиче-

⁶ Лай Сяоминь был казнен // Прокурорская газета. – 2021. – Вып. 1. – 30 января.

ски до той же строгости, что и преступление за получение взятки госслужащим. Кроме того, в положении о растрате средств, присвоении чужого имущества с использованием служебного положения и другие преступления также были внесены поправки, ужесточающие наказание за коррупцию в частном секторе.

Международное сотрудничество Китая в борьбе с коррупцией

В течение определенного периода времени из Китая бежало большое количество коррумпированных элементов. Чтобы наказать и предотвратить коррупцию, для Китая неизбежным выбором является укрепление международного сотрудничества в борьбе с коррупцией. Чтобы лучше осуществлять международное сотрудничество в сфере борьбы с коррупцией, Китай сначала пересмотрел и усовершенствовал свои внутренние законы.

Китай недавно сформулировал и пересмотрел Закон о международной уголовно-правовой помощи 2018 г.⁷, Закон о надзоре 2018 г.⁸, Закон об экстрадиции 2000 г.⁹, Уголовно-процессуальный закон Китая (с поправками, внесенными в 2018 г.)¹⁰, уголовное законодательство и другие правовые нормы. Приведенные законы составляют институциональную основу международного сотрудничества Китая в области борьбы с коррупцией. В них адресно дополнены внутригосударственные нормы наказания за коррупционные преступления с иностранными элементами. Благодаря совершенствованию правовой системы существует четкая внутренняя правовая основа для уголовной ответственности тех коррупционеров, которые скрылись за границей после совершения коррупционных преступлений в Китае, что также обеспечивает поддержку правовой системы для международного сотрудничества в борьбе с коррупцией.

Например, в Уголовно-процессуальный закон Китая добавлены процедуры конфискации незаконных доходов в случаях растраты или взяточничества, когда преследуемое лицо скрылось или умерло. В соответствии с этим положением в крупных уголовных делах, таких как преступления, связанные с коррупцией и взяточничеством, когда подозреваемый или обвиняемый скрылся и не может быть привлечен к суду после того, как находился в розыске в течение одного года, или если подозреваемый или обвиняемый умирает, его незаконные доходы и другие связанные с этим преступления в случае взыскания в соответствии с положениями уголовного закона имущества народная прокуратура может обратиться в народный суд с заявлением о конфискации незаконных доходов.

В 2020 г. китайские судебные органы вынесли решение о конфискации незаконных доходов в отношении Бай Цзина, который скрылся за границей, чтобы избежать наказания за коррупционные преступления, и конфисковали 9 объектов недвижимости, приобретенных им на незаконные доходы от коррупции¹¹. Уголовно-процессуальный закон, который был вновь пересмотрен в 2018 г., добавил процедуры заочного рассмотрения уголовных дел. Согласно этому положению, те коррумпированные элементы, которые бежали за границу, могут быть заочно судимы в соответствии с положениями китайского Уголовно-процессуального закона. В 2021 г. проведено первое заочное рассмотрение дела. Органы прокуратуры Китая обвинили Чэн Саньчана, коррумпированного чиновника, который скрылся за границей, чтобы избежать наказания в хищении более 3 млн юаней. После судебного заседания Чэн Саньчан был привлечен к уголовной ответственности за преступление растраты¹². Приведенные институциональные инновации обеспечили нормативную поддержку для наказания преступников, ко-

⁷ Закон о международной уголовной судебной помощи 2018 г. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/international-criminal-judicial-assistance-law-20181026/enchn> (дата обращения: 09.11.2023). – Текст: электронный.

⁸ Закон о надзоре 2018 г. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/supervision-law-20180320> (дата обращения: 12.11.2023). – Текст: электронный.

⁹ Закон об экстрадиции 2000 г. – URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.5ae1dd76-65509347-ad77338f-74722d776562/https/en.wikipedia.org/wiki/Extradition_law_in_China (дата обращения: 26.10.2023). – Текст: электронный.

¹⁰ Уголовно-процессуальный закон Китая. – URL: <https://ru.chinajusticeobserver.com/law/x/criminal-procedure-law-of-china-20181026> (дата обращения: 12.11.2023). – Текст: электронный.

¹¹ Тридцать вторая серия руководящих дел Верховной народной прокуратуры // Прокурорская газета. – 2021. – Вып. 2. – 10 декабря.

¹² Сюй Ридан. Десять лучших случаев судебного надзора в 2021 г. // Прокурорская газета. – 2022. – Вып. 3. – 22 января.

торые бежали за границу после совершения коррупционных преступлений в Китае и осуществления международного сотрудничества в борьбе с коррупцией.

Закон о международной уголовно-правовой помощи 2018 г. обеспечивает основу и руководящие принципы для Китая и зарубежных стран по оказанию взаимной помощи в расследовании уголовных дел, следственных действиях, уголовном преследовании, судебном разбирательстве и приведении в исполнение смертных приговоров, а также содержит нормативные рекомендации по международному сотрудничеству в борьбе с коррупцией. В Законе о надзоре 2018 г. специально предусмотрена глава «Международное сотрудничество в борьбе с коррупцией» и разъясняются обязанности Национальной комиссии по надзору координации международных антикоррупционных обменов и сотрудничества с другими странами, регионами и международными организациями, а также по организации выполнения международных договоров о борьбе с коррупцией.

Опыт Китая в борьбе с коррупцией позволяет повысить эффективность антикоррупционной работы путем укрепления международного сотрудничества. Председатель КНР Си Цзиньпин отметил: «Необходимо активизировать международные усилия по преследованию беглецов, содействовать международному сотрудничеству в рамках многосторонних структур, таких как Группа двадцати, Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество и Конвенция ООН против коррупции, провести крупные спецоперации и закинуть широкую сеть для наказания за коррупцию. Пусть некуда спрятаться тем, кто бежал, и пусть те, кто пытается бежать, лишаются своих иллюзий» [1, с. 166].

Помимо присоединения Китая к Конвенции ООН против коррупции, при содействии правительства Китая на Пекинской конференции АТЭС, состоявшейся в 2014 г., принята Пекинская декларация о борьбе с коррупцией и сформулированы Руководящие принципы АТЭС по реализации Закона о предотвращении взяточничества и борьбе со взяточничеством. Проведенный в 2016 г. саммит G20 в Ханчжоу обнародовал Принципы высокого уровня Группы двадцати в борьбе с коррупцией, преследованию беглых преступников и возвращению активов. В 2017 г. опубликовано совместное заявление Китая и АСЕАН о всестороннем усилении противодействия коррупции и эффективного сотрудничества, в 2022 г. на 14-й встрече лидеров БРИКС принята Инициатива БРИКС по предотвращению коррупции и т.д. Ряд действий и мер, предпринятых Китаем, эффективно повысили научность и справедливость международного сотрудничества в борьбе с коррупцией, привлекли больше стран и регионов к повестке дня международного сотрудничества в борьбе с коррупцией и активно способствовали глобализации Конвенции ООН против коррупции [5, с. 59]. По состоянию на октябрь 2020 г. Китай заключил 59 договоров об экстрадиции и 61 – об оказании уголовно-правовой помощи [6, с. 33]. С подписанием указанных международных антикоррупционных конвенций Китай вместе с международным сообществом построил международно-правовой барьер против коррупции, устранив шансы коррумпированных элементов сбежать за границу после совершения преступления.

Благодаря усилиям Китая, направленным на активное развитие международного сотрудничества в области борьбы с коррупцией, за последние пять лет в результате проведения антикоррупционной операции «Небесная сеть» обнаружено в общей сложности 7089 лиц, скрывающихся от правосудия, в том числе 1992 члена партии и государственного служащего, возвращено 35,24 млрд юаней, а также 61 человек из списка «Красный циркуляр» привлечен к ответственности¹³. Достижение этого результата неразрывно связано с развитием эффективного международного сотрудничества в борьбе с коррупцией.

Совершенствуя свою внутреннюю правовую систему и укрепляя международное сотрудничество, Китай добился значительных успехов в борьбе с коррупцией. Однако страна все еще сталкивается с рядом проблем, одной из которых является развитие внутренней антикоррупционной правовой системы или в области международного антикоррупционного сотрудничества. Несмотря ни на что, постоянно оптимизируя правовую систему в борьбе с коррупцией, создавая культуру честности и укрепляя международное сотрудничество в борьбе с коррупцией, Китай, безусловно, сможет работать с другими странами мира над созданием честной и эффективной среды, чтобы улучшить благосостояние каждого.

¹³ Отчет о работе XX Национальному съезду Коммунистической партии Китая XIX Центральной комиссии по проверке дисциплины // Хайнань Дейли. – 2022. – 28 октября.

Список литературы

1. *Си Цзиньпин*. Си Цзиньпин об управлении: в 4 т. – Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2017. – Т. 2.
2. *Си Цзиньпин*. Си Цзиньпин об управлении: в 4 т. – Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2022. – Т. 4.
3. *Си Цзиньпин*. Си Цзиньпин говорит об управлении страной. – Пекин: Вайвэнь чубаньшэ, 2014.
4. *Чжао Бинчжи, Чжан Кивэй*. Программа уголовного правосудия с точки зрения антикоррупционной уголовной политики в новую эпоху // Журнал Шанхайского института политических наук и права. – 2022. – № 1.
5. *Лю Линь, Сун Вэй*. Китайская практика международного сотрудничества в борьбе с коррупцией // Народный форум. – 2022. – № 14.
6. *Фэн Вэйго*. Десятилетний обзор и будущие перспективы антикоррупционного уголовного управления // Национальное управление. – 2022. – № 14.

References

1. *Si Czin'pin*. Si Czin'pin ob upravlenii: v 4 t. – Pekin: Vajven' chuban'she, 2017. – T. 2.
2. *Si Czin'pin*. Si Czin'pin ob upravlenii: v 4 t. – Pekin: Vajven' chuban'she, 2022. – T. 4.
3. *Si Czin'pin*. Si Czin'pin govorit ob upravlenii stranoj. – Pekin: Vajven' chuban'she, 2014.
4. *Chzhao Binchzhi, Chzhan Kivej*. Programma ugovnogo pravosudiya s točki zreniya antikorrupcionnoj ugovnoy politiki v novuyu epohu // Zhurnal Shanhajskogo instituta politicheskikh nauk i prava. – 2022. – № 1.
5. *Lyu Lin', Sun Vej*. Kitajskaya praktika mezhdunarodnogo sotrudnichestva v bor'be s korrupciej // Narodnyj forum. – 2022. – № 14.
6. *Fen Vejgo*. Desyatiletnij obzor i budushchie perspektivy antikorrupcionnogo ugovnogo upravleniya // Nacional'noe upravlenie. – 2022. – № 14.

УДК 347.97/99

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СУДЕЙ

Туманова Лидия Владимировна¹,

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ,

e-mail: Tumanova.LV@tversu.ru,

Алешукина Светлана Александровна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru,

¹*Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия*

Рассмотрены вопросы о необходимости соблюдения баланса между действием принципа независимости судей и мерами дисциплинарной ответственности. Обращено внимание на необходимость уточнения терминологии применительно к ответственности судей, поскольку она является уникальной и обусловлена особым статусом судьи. Анализ решений о привлечении судей к дисциплинарной ответственности позволил сделать вывод об отсутствии ее негативного влияния на их независимость, а также о том, что передача полномочий от судебных органов к органам судейского сообщества защищает от необоснованного привлечения к ответственности и способствует соблюдению принципа независимости судей. Обосновано, что не сама ответственность, а характер дисциплинарного проступка может противоречить принципу независимости судей. Отмечена положительная динамика развития законодательства о дисциплинарной ответственности судей. Обозначена проблема, связанная с определением необходимых качеств кандидата на должность судьи при решении вопроса о рекомендации как гарантия от возможных нарушений закона и Кодекса судейской этики.

Ключевые слова: ответственность судей, дисциплинарный проступок, принцип независимости, досрочное прекращение полномочий судьи

SOME ISSUES OF JUDGES DISCIPLINARY RESPONSIBILITY

Tumanova L.V.¹,

Doctor of Legal Sciences, Professor,

e-mail: Tumanova.LV@tversu.ru,

Aleshukina S.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru,

¹*Tver State University, Tver, Russia*

The article describes the issues of the need to maintain a balance between the operation of the principle of independence of judges and measures of disciplinary responsibility. Attention is paid to the need to clarify the terminology in relation to the responsibility of judges, since it is unique and due to the special status of a judge. An analysis of decisions to bring judges to disciplinary liability led to the conclusion that there is no negative impact of disciplinary liability of judges on their independence, in addition the transfer of powers from the judiciary to the bodies of the judicial community provides a basic guarantee against unjustified prosecution and respect for the principle of judicial independence. It is substantiated that not the responsibility itself, but the nature of the disciplinary offense may contradict the principle of the independence of judges. Positive dynamics in the development of legislation on disciplinary liability of judges is noted. The problem associated with determining the necessary qualities of a candidate for the position of a judge, when deciding on a recommendation as a guarantee against possible violations of the law and the Code of Judicial Ethics, is indicated.

Keywords: responsibility of judges, disciplinary offence, principle of independence, early termination of the powers of a judge

DOI 10.21777/2587-9472-2023-4-49-58

Вопрос об отраслевой принадлежности дисциплинарной ответственности судей давно является предметом научных дискуссий. В разные периоды времени представителями науки административного и трудового права убедительно обосновывался довод о комплексном межотраслевом характере института дисциплинарной ответственности [1; 2], его административной природе [3], а также о возможности его отнесения к деликтнонаказательной отрасли права наряду с институтами административной и уголовной ответственности, входящими в эту отрасль [4; 5]. Наука трудового права традиционно рассматривает институт дисциплинарной ответственности в рамках своего правового поля как необходимый элемент или составляющую дисциплины труда.

Являясь самостоятельным видом юридической ответственности, дисциплинарная ответственность вместе с тем обладает всеми необходимыми признаками таковой, в том числе:

- 1) всегда следует за правонарушением;
- 2) осуществляется в установленной законом процессуальной форме;
- 3) строится на отношениях власти и подчинения, предполагая вертикаль взаимодействия правонарушителя и лица, уполномоченного привлекать к ответственности;
- 3) имеет государственно-принудительный характер;
- 4) влечет за собой негативные последствия для правонарушителя, предполагая его обязанность претерпеть на себе неблагоприятное воздействие как следствие совершенного правонарушения;
- 5) выполняет разного рода функции (карательную, превентивную и воспитательную).

В трудовом праве принято различать общую и специальную дисциплинарную ответственность¹. Общая дисциплинарная ответственность регулируется Трудовым кодексом РФ² (далее – ТК РФ) и распространяется на всех работников. Специальная дисциплинарная ответственность регулируется федеральными законами, уставами и положениями о дисциплине, характеризуется более широким понятием дисциплинарного (служебного) проступка, дополнительными видами взысканий и несколько отличным от общей дисциплинарной ответственности порядком применения дисциплинарных взысканий. Кроме того, она распространяется на строго ограниченный, специальный круг субъектов, указанный в федеральном законе, уставе или положении о дисциплине.

Бесспорно, первостепенное значение дисциплинарной ответственности проявляется в поддержании трудовой дисциплины и правопорядка в организации, обеспечении совместной деятельности участников трудового коллектива сообразно воле и распоряжению работодателя. Вместе с тем специфика трудовой деятельности не может не сказаться на понятии и границах дисциплинарного проступка, месте и условиях его совершения, а также на дальнейшей возможности осуществления трудовой деятельности лицом, совершившим дисциплинарный проступок. Так, нормы ст. 81 ТК РФ предусматривают возможность расторжения трудового договора в качестве меры дисциплинарной ответственности за совершение аморального проступка лицом, осуществляющим воспитательные функции. При этом такой работник может быть уволен за совершение аморального проступка как по месту работы, так и вне его, как при исполнении трудовых обязанностей, так и во внеслужебное время³. Аналогичная практика применяется и в отношении лиц, обслуживающих материальные ценности. Если «обычный» работник может быть уволен за совершение кражи, хищения, растраты и тому подобные действия только при наличии обвинительного приговора суда, вступившего в законную силу, то для увольнения лиц, обслуживающих материальные ценности, достаточно совершения проступков, влекущих утрату доверия к ним, что априори является оценочным понятием⁴.

Дисциплинарной ответственности в трудовом праве известны исключительные случаи того, когда дисциплинарный проступок расценивается не только в контексте трудовой деятельности или в связи с неисполнением трудовых обязанностей. Иными словами, дисциплинарная ответственность высту-

¹ Трудовое право России: учебник / под ред. А.М. Куренного. – Москва: Юристъ, 2004. – С. 159–161; Трудовое право России: учебник / отв. ред. Ю.П. Орловский, А.Ф. Нуртдинова. – 2-е изд. – Москва: КОНТРАКТ: ИНФРАМ, 2008. – С. 169.

² Трудовой кодекс Российской Федерации: [от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.

³ Решение Белоярского районного суда Свердловской области по делу № 2-39/2020: [от 17 января 2020 г.]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 24.10.2023). – Текст: электронный.

⁴ Решение Люберецкого городского суда Московской области по делу № 50RS0№-23: [от 10 декабря 2020 г.]. – URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 24.10.2023). – Текст: электронный.

пает не только как способ борьбы с нарушением трудовой дисциплины, но и иногда как мера поддержания общественного порядка и необходимого «высокого» статуса работника, если это обусловлено спецификой трудовой деятельности. Обратной стороной выступает возможность привлечения к иным видам ответственности за совершение дисциплинарного проступка, если в его событии содержатся составы административного и уголовного правонарушения. Налицо будет не применение нескольких дисциплинарных взысканий за один проступок, что недопустимо, а привлечение к различным видам ответственности с разными мерами взысканий.

Обосновывая специальный вид дисциплинарной ответственности судей, можно остановиться и на более широком понятии дисциплинарного проступка, исключительных мерах дисциплинарного воздействия, наличии специальной процедуры применения дисциплинарных взысканий к судьям, а также особого органа, наделенного полномочиями по привлечению к дисциплинарной ответственности.

Проблема привлечения судей к дисциплинарной ответственности находится в центре постоянного внимания как самого судейского сообщества, так и в целом государства, общества. Об этом свидетельствуют динамика изменения законодательства о дисциплинарной ответственности судей за последние сто лет, многочисленные научные исследования и обсуждение на площадках различных форумов и общественных организаций. Однако остается дискуссионным само понятие дисциплинарной ответственности судей.

Большинство авторов рассматривают дисциплинарную ответственность судей как элемент трудового права наряду с собственно дисциплинарной ответственностью в трудовых правоотношениях [6]. Однако приведенная краткая характеристика дисциплинарной ответственности в трудовом праве показывает существенные различия. Представляется, что изначально не совсем верно использована терминология, т.к. понятие «дисциплинарная» предполагает нарушение именно трудовой дисциплины, норм и правил, регламентирующих порядок осуществления трудовой функции, конкретных правил и обязанностей. Как следует из ч. 1 ст. 12.1 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»⁵ (далее – Закон о статусе судей), дисциплинарным проступком является виновное действие или бездействие судьи как при исполнении служебных обязанностей, так и во внеслужебное время. Обозначен совершенно уникальный вид ответственности, связанный с самим статусом судьи, который и олицетворяет в своей деятельности судебную власть. Следовательно, такой вид ответственности в большей степени соответствовал бы термину «профессиональная», нежели понятию «дисциплинарная».

Следует согласиться и с выводами С.Н. Ереминой о том, что дисциплинарная ответственность судей не имеет административно-правовой природы [7]. Не менее значимо и то, что все другие виды ответственности предполагают закрепленный в законе перечень преступлений, правонарушений и проступков. Только по отношению к судьям данный вопрос является открытым и зависит от соответствующего толкования правоприменителей.

Если сравнить по тяжести последствий такую меру, как досрочное прекращение полномочий, с простым увольнением работника, то очевидно, что для судьи эта мера является более жесткой. Так, независимо от срока пребывания в должности он лишается права на ежемесячное пожизненное содержание, тогда как обычный работник не теряет свой пенсионный стаж, и, кроме того, если не было соответствующего приговора суда, то уволенный независимо от основания может занять любую другую должность, возможно, более перспективную. Даже по приговору суда лишение права занимать определенные должности или заниматься определенными видами деятельности ограничено сроком, тогда как судья уже пожизненно не сможет занять указанную должность. Следовательно, профессиональная ответственность судей должна быть признана самостоятельным видом, у которого, безусловно, есть схожие черты с другими видами ответственности, являющаяся исключительной по своему характеру.

Основным вопросом в применении дисциплинарной ответственности судей (будем использовать термин, предусмотренный законом) является обеспечение баланса между независимостью судей и этой ответственностью. Так, В.М. Жуйков выражал озабоченность в связи с возможным негативным влиянием дисциплинарной ответственности судей на их независимость [8].

⁵ О статусе судей в Российской Федерации: Закон Российской Федерации: [от 26 июня 1992 г. № 3132-1] // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – 30 июля. – № 30. – Ст. 1792.

Анализируя историю развития дисциплинарной ответственности судей на протяжении полутора веков, Ю.В. Щедрина указывает, что при решении вопроса о содержании дисциплинарной ответственности судей и ее применении всегда стояла проблема соблюдения баланса между независимостью судьи и бесконтрольностью [9]. Обеспокоенность автора связана, прежде всего, с отмеченным ранее отсутствием конкретных составов дисциплинарных проступков. Закон о статусе судей определяет понятие дисциплинарного проступка как нарушение самого этого закона, а также Кодекса судейской этики⁶ (заметим, что названный закон содержит более 22 статей, а кодекс – 13, причем в каждой статье имеется несколько частей). Критерий того, является ли то или иное нарушение дисциплинарным проступком, закон связывает с наступлением таких неблагоприятных последствий, как умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи. Таким образом, использованы оценочные категории, соответственно, их толкование дает сама практика применения. Именно это и вызывало всегда наибольшие опасения, а также то, кто будет применять соответствующие нормы.

Правильное применение мер дисциплинарной ответственности требует упорядочения понятийного аппарата. Постепенно на основе практики и разъяснений Верховного Суда Российской Федерации выработаны критерии, по которым необходимо определять малозначительность проступка и формы вины. Однако еще остается множество проблемных вопросов.

Изменения процедуры привлечения судей к дисциплинарной ответственности, начиная с 1922 г., хорошо показаны Л.А. Анциферовой [10]. Сравнивая то, как ранее решались вопросы о привлечении судей к дисциплинарной ответственности, а также с тем, как это решается в других государствах⁷, можно сделать следующий однозначный вывод: передача полномочий от судебных органов к органам судейского сообщества в современной России обеспечивает основную гарантию от необоснованного привлечения к ответственности и соблюдения принципа независимости судей.

В настоящее время задачей суда является обеспечение судьям наравне с другими гражданами права на справедливое судебное разбирательство.

Прежде чем более подробно останавливаться на конкретных составах дисциплинарных проступков в соответствии с практикой, необходимо отметить, что уже в новейшей истории продолжается процесс совершенствования правил, связанных с дисциплинарной ответственностью судей. Так, сложно представить, что был период, когда не применялись правила давности привлечения к дисциплинарной ответственности. Установление соответствующих сроков потребовало разъяснения о порядке их применения. Датой обнаружения дисциплинарного проступка является не первоначально полученная информация, а та, когда уже дисциплинарная комиссия соответствующего совета судей приняла заключение. Разумеется, на это может быть два противоположных взгляда: судья, о дисциплинарной ответственности которого решается вопрос, конечно, желает максимально сократить течение шестимесячного срока, чтобы был шанс избежать ответственности, а органы судейского сообщества заинтересованы в том, чтобы не было необоснованных решений. Средства массовой информации и отдельные граждане не всегда сообщают достоверную информацию о тех или иных деяниях судьи, а сам факт безосновательного начала производства по привлечению судьи к дисциплинарной ответственности тоже умаляет авторитет судебной власти.

Если срок для привлечения к ответственности истек (а эти сроки носят пресекательный характер), но факт дисциплинарного проступка имел место, соответствующая квалификационная коллегия судей может принять решение о наличии в действиях судьи дисциплинарного проступка, но не о наложении на него взыскания в связи с истечением срока привлечения к дисциплинарной ответственности. Такое решение не влечет непосредственно негативных правовых последствий, но является фактом, который характеризует судью и в дальнейшем может повлиять на его карьерное продвижение. Следовательно, такие решения также могут быть обжалованы как в судебном порядке, так и в Высшую квалификационную коллегию судей РФ (далее – ВККС РФ). Примером такого обжалования может стать

⁶ Кодекс судейской этики: [утв. VIII Всерос. съездом судей 19 декабря 2012 г.]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70201432> (дата обращения: 24.10.2023). – Текст: электронный.

⁷ О дисциплинарной ответственности судей общих судов Грузии и дисциплинарном судопроизводстве: Закон Грузии: [от 23 февраля 2000 г.]. – Текст: электронный // Законодательный вестник Грузии. – URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16774> (дата обращения: 05.09.2023).

решение ВККС РФ по жалобе судьи⁸, согласно которому были еще раз проверены все обстоятельства, связанные с нарушением ряда процессуальных норм и сроков рассмотрения дел, и установлено, что совокупность всех нарушений, допущенных судьей, свидетельствует о наличии в его действиях всех признаков дисциплинарного проступка, на основании чего в удовлетворении жалобы отказано.

К сожалению, пример, когда судья избежал ответственности, является не единственным, показывающим необходимость большей эффективности и оперативности в деятельности органов судейского сообщества по выявлению и расследованию фактов, которые могут свидетельствовать о наличии дисциплинарного проступка, т.к. каждый такой случай порождает сомнения в справедливости и беспристрастности.

Использование института дисциплинарной ответственности в качестве средства давления на судей со стороны председателей и заместителей председателей судов длительное время являлось предметом дискуссии. Изменения законодательства последних лет существенно ограничили права и возможности должностных лиц суда, в том числе теперь они не имеют права приносить в совет судей представление о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности. Обращение председателя суда может рассматриваться как повод наряду с обращениями других граждан, организаций и публикациями в средствах массовой информации.

Однако приведенное изменение имело цель, скорее, устранить повод для критики и сомнений, поскольку сравнение случаев привлечения к дисциплинарной ответственности на основе представлений председателей судов и практики в соответствии с новыми правилами не имеет существенных различий в том, за какие деяния судьи привлекаются к дисциплинарной ответственности, а также практически отсутствуют количественные изменения. При этом отмена права председателя суда субъекта РФ обратиться с представлением для пересмотра решения о даче рекомендации кандидату, безусловно, способствует укреплению независимости органов судейского сообщества. Этой же цели служит и отмена полномочия Председателя Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) на обжалование в Дисциплинарную коллегия ВС РФ решения квалификационной коллегии об отказе в применении такого взыскания, как досрочное прекращение полномочий судьи. Однако законодатель никак не решит исключить п. 2 ст. 230 из Кодекса административного судопроизводства РФ⁹ (далее – КАС РФ).

Приведенное законодательное решение подтверждает самостоятельность органов судейского сообщества и недопустимость ущемления их компетенции.

В связи с ранее изложенным трудно согласиться с предложением В.В. Момотова о необходимости законодательного закрепления права советов судей обжаловать решения квалификационных коллегий, которыми отказано в удовлетворении их обращений о привлечении судей к дисциплинарной ответственности [11]. Представляется, что данное правило приведет к разобщенности органов судейского сообщества и пересечению их компетенции. Представители совета судей должны отстаивать свою позицию на заседании квалификационных коллегий, а если коллегия их не поддержала, то, соответственно, их позиция и ее обоснования являлись недостаточно убедительными, что выступает поводом для совершенствования работы советов судей по вопросам дисциплинарной ответственности, а не поводом поставить под сомнение решение квалификационных коллегий.

В практике применения дисциплинарной ответственности возник еще вопрос о правах граждан, информация которых послужила основанием для возбуждения дисциплинарного производства. З.А. Камбегова, анализируя практику по данному вопросу и разъяснение Конституционного Суда РФ, обращает внимание, что решение квалификационной коллегии об отказе в привлечении судьи к дисциплинарной ответственности не затрагивает прав гражданина, обращение которого послужило поводом к возбуждению дисциплинарного производства [Цит. по: 12].

Обоснованными являются расширение видов дисциплинарных взысканий и более четкая их градация в Законе о статусе судей. Особо значимым нужно признать введение такого вида, как понижение

⁸ Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 23 ноября 2022 г. по жалобе на решение квалификационной коллегии судей Ростовской области от 19 августа 2022 г. – Текст: электронный // Архив Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

⁹ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: [от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.

в квалификационном классе. Важная гарантия независимости судьи – невозможность привлечь его к ответственности только за факт принятия судебного решения, которое будет отменено или изменено в суде проверочной инстанции. Однако есть такие упущения в работе, которые умаляют авторитет судебной власти, т.к. в них проявляется низкий профессиональный уровень, а ранее замечание или предупреждение не дали результата. Тогда и может быть назначено взыскание в виде понижения в квалификационном классе.

Еще один способ заставить судью заняться повышением своей квалификации – оставление его в прежнем квалификационном классе, однако это не является мерой дисциплинарного взыскания. Равным образом и освобождение председателя или заместителя председателя суда от исполнения этих обязанностей не является привлечением к дисциплинарной ответственности.

Следует отметить и то, как конкретизированы в законе основания для применения досрочного прекращения полномочий судьи за действия при осуществлении правосудия. Пожалуй, это уже почти сформулированный состав дисциплинарного проступка, о чем ставился вопрос еще при внесении изменений в Закон о статусе судей в 2013 г.

Понять, соблюдается ли баланс между принципом независимости судей и правилами дисциплинарной ответственности, можно на основе практики ВККС РФ. Учитывая, что число привлечений к дисциплинарной ответственности не уменьшается, а случаи удовлетворения жалоб на соответствующие решения крайне редки, можно сделать обоснованный вывод о необходимости этого института для поддержания авторитета судебной власти.

Анализ ситуаций, когда действия или бездействие судьи признаются дисциплинарным проступком, не оставляет сомнений в том, что это необходимые меры, которые никакого давления на независимость судьи не оказывают, а в большинстве случаев даже могут вызвать вопрос о том, а не слишком ли гуманно решение.

Так, решением ВККС РФ судья Восьмого кассационного суда общей юрисдикции был привлечен к дисциплинарной ответственности в виде замечания за то, что разместил в сети Интернет свои особые мнения по 15 делам¹⁰. Судья проверочной инстанции со стажем более 12 лет пытался утверждать, что гражданское процессуальное законодательство не содержит запрета на такую публикацию. При этом он знал, что система не позволяет размещать иные акты, кроме самих решений, и поэтому соединял в единый файл решение и свое особое мнение. Возникает следующий вопрос: не является ли это наказание слишком мягким для такого опытного судьи?

Разумеется, это не надо рассматривать как «призыв к репрессиям», т.к. квалификационные коллегии верят, что судья сделает правильные выводы, и ему нужно дать для этого шанс. Однако происходит это, к сожалению, не всегда, иногда формируется мнение о том, что и дальше все будут проявлять чрезмерную гуманность. В качестве подтверждения можно привести решение ВККС РФ по жалобе судьи на решение о досрочном прекращении ее полномочий¹¹. В ходе рассмотрения дела выяснилось, что судья ранее привлекалась к дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, но по ее жалобе решением ВККС РФ взыскание было заменено на замечание. В итоге никаких надлежащих выводов судья не сделала, продолжая систематически грубо нарушать нормы процессуального закона, что является несовместимым с высоким званием судьи.

Случаи внепроцессуального общения судей с участниками процесса, как правило, являются бесспорным основанием для применения такой меры взыскания, как досрочное прекращение полномочий. Можно привести пример решения ВККС РФ по жалобе от 15 декабря 2021 г.¹² С.В. Рудаков приводит

¹⁰ Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 22 сентября 2022 г. по обращению Президиума Совета судей РФ о привлечении судьи Восьмого кассационного суда общей юрисдикции к дисциплинарной ответственности. – Текст: электронный // Архив Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

¹¹ Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 15 декабря 2021 г. по жалобе на решение квалификационной коллегии судей Ставропольского края от 18 июня 2021 г. – Текст: электронный // Архив Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 12.10.2023).

¹² Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 13 июля 2022 г. по жалобе на решение квалификационной коллегии судей Республики Северная Осетия – Алания от 31 марта 2022 г. – Текст: электронный // Архив Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 09.10.2023).

пример, когда внепроцессуальное общение было осуществлено с использованием возможностей интернета. По уголовному делу, в котором участвовало большое число лиц, с ведома судьи и при его участии был создан соответствующий чат, что явилось ярким примером внепроцессуального общения [13].

В решении ВККС РФ о досрочном прекращении полномочий председателя Арбитражного суда Московской области¹³ содержится почти уникальный состав дисциплинарного проступка, а именно – противоправное покровительство одному из судей этого суда, выразившееся в том, что ему необоснованно и на длительный период предоставлялись отпуска без сохранения заработной платы, снижалась нагрузка, но при этом он незаслуженно поощрялся наравне с другими судьями. Кроме того, судье была выдана характеристика с несоответствующими действительности сведениями, включая указание на более продолжительный стаж работы. Вряд ли кто-то посчитает, что в этом случае решение квалификационной коллегии затронуло независимость судьи, действия которой дискредитируют саму сущность судебной власти.

Большинство людей уже четко подразделяют современную жизнь на реальную и виртуальную, и судьи также не являются исключением. Председатель Дисциплинарной коллегии ВС РФ С.В. Рудаков [14], анализируя практику досрочного прекращения полномочий судей в связи с их поведением в социальных сетях, высказал ряд советов. Чтобы избежать неблагоприятных последствий, судьям нужно контролировать все, что размещается в социальных сетях, с позиции, не повлечет ли умаление авторитета судебной власти фривольная фотография или ненадлежащая лексика, соответственно, не вызовет ли комментарий или пост сомнений в беспристрастности судьи. В большинстве случаев жалобы на решения о досрочном прекращении полномочий остаются без удовлетворения, т.к. скорость и объем распространения информации в сети Интернет наносят ущерб авторитету судебной власти, который трудно даже оценить в полной мере.

Нередко советы судей, а потом и квалификационные коллегии испытывают трудности в определении состава дисциплинарного проступка, но бывают ситуации, когда все совершенно очевидно и при этом почти невероятно. Так, судья Арбитражного суда Омской области провела несколько процессов, находясь в нетрезвом состоянии, а еще она приняла и подписала несколько судебных актов без проведения судебных заседаний. При рассмотрении жалобы в ВККС РФ судья отрицала факт нахождения в нетрезвом состоянии, хотя это было подтверждено не только соответствующим актом, но и аудиозаписями протоколов судебных заседаний. Подписание актов без проведения судебного заседания судья считала малозначительным проступком. В удовлетворении жалобы было отказано¹⁴.

Можно привести множество примеров действий, когда не верится в то, что совершить их мог человек в мантии судьи. Трудно согласиться с тем, что дисциплинарная ответственность негативно влияет на независимость судей. Главным является следующее: судьи не должны совершать поступки, однозначно свидетельствующие о том, что они сами не признают эту независимость.

Очень показательным в этом плане дисциплинарное производство, а в последующем и уголовное дело в отношении председателя Новосибирского областного суда, которая разгласила сведения ограниченного доступа о планируемых следственных действиях. Поскольку эти сведения стали известны подозреваемым, они успели уничтожить практически все доказательства, и во время обыска были обнаружены только копии документов о решении вопроса на проведение соответствующих следственных действий с сопроводительным письмом на имя и.о. губернатора. Как следует из решения ВККС РФ¹⁵, на заседании коллегии она пыталась обосновать свой поступок ссылкой на ст. 18 Кодекса судейской эти-

¹³ Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 4 апреля 2023 г. по обращению Президиума Совета судей РФ о привлечении председателя Арбитражного суда Московской области к дисциплинарной ответственности. – Текст: электронный // Архив Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 14.10.2023).

¹⁴ Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 20 сентября 2023 г. по жалобе на решение квалификационной коллегии судей Омской области от 26 мая 2023 г. – Текст: электронный // Архив Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 21.10.2023).

¹⁵ Решение Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации от 4 июня 2019 г. по обращению Президиума Совета судей РФ о привлечении к дисциплинарной ответственности члена Совета судей РФ, судьи Новосибирского областного суда (председателя Новосибирского областного суда в 2012–2018 гг.). – Текст: электронный // Архив Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – URL: <http://garant.ru> (дата обращения: 09.10.2023).

ки о взаимодействии судей с органами власти, искажая смысл этой нормы. Направлением материалов ограниченного доступа на имя и.о. губернатора было продемонстрировано полное непонимание независимости судей как важнейшего конституционного принципа. У людей уже бытует мнение о том, что суд на самом деле зависим от исполнительной власти, а такое поведение председателя областного суда дает веский аргумент в пользу этого и подрывает доверие к судебной власти. Уже было сказано о недопустимости внепроцессуального общения с участниками процесса, но равным образом недопустимо и взаимодействие с представителями власти по тем делам, которые находятся на рассмотрении суда. Трудно переоценить ущерб, который наносят интересам правосудия такие действия.

Большинство членов ВККС РФ поверили искренности раскаяния и не поддержали взыскания в виде досрочного прекращения полномочий, решение было принято о предупреждении. Однако даже раскаяния на самом деле не было, т.к. это чрезмерно мягкое решение сразу обжаловалось в Административную коллегия ВС РФ. Решение о предупреждении было оставлено в силе, а в дальнейшем произошла переоценка ситуации, и ВККС РФ дала согласие на возбуждение уголовного дела по этому факту. Вывод напрашивается один: сами судьи должны помнить о своей независимости и не допускать фактов ее нарушения.

При рассмотрении вопросов о дисциплинарной ответственности судей все органы судейского сообщества и особенно квалификационные коллегии должны руководствоваться тем, что решают двуединую задачу. Вопрос о том, что квалификационные коллегии должны одновременно обеспечивать поддержание авторитета судебной власти и защиту прав, интересов судей, уже являлся предметом рассмотрения [15].

Следует больше внимания уделять процедуре рассмотрения материалов, связанных с привлечением судей к дисциплинарной ответственности.

Заседание квалификационной коллегии не является аналогом судебного заседания, но его процедура должна обеспечивать не меньшие гарантии для защиты и вынесения законного и обоснованного решения. В связи с этим постепенно некоторые правила судопроизводства внедряются в порядок проведения заседаний квалификационных коллегий. Особо следует отметить расширение участия представителей как совместно с самим судьей, так и замещая его. На это обратила внимание З.А. Камбегова [Цит. по: 16], проанализировав плюсы и минусы участия представителя. Как и любое право, участие представителя при рассмотрении вопроса о привлечении судьи к дисциплинарной ответственности таит возможность злоупотребления им. Следует признать, что процессуальные кодексы не содержат ограничений на возможное число представителей, нет их и в нормах о порядке рассмотрения вопросов квалификационными коллегиями. В связи с этим их число и предоставление каждому возможности выступить не способствуют эффективному рассмотрению вопросов, равно как и попытки настаивать на необходимости извещения о предстоящем заседании как самого заинтересованного лица, так и всех его представителей. Это свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования порядка проведения заседаний по вопросам привлечения судей к дисциплинарной ответственности.

И еще один важный, но почти риторический вопрос: что нужно делать для того, чтобы сокращалось число судей, которых надо привлекать к дисциплинарной ответственности? Конечно, не может быть иллюзии того, что дисциплинарные проступки (как и другие правонарушения и преступления) исчезнут полностью, но необходимо принимать меры по их сокращению.

Напрашивается один простой вывод: «корень зла» – в самом отборе кандидатов на должность судьи. Уже неоднократно высказывалась озабоченность гипертрофированным вниманием к таким вопросам, как конфликт интересов, поведение родственников и т.п. [17]. Это, как представляется, нередко закрывает доступ в судебную систему кандидатов, которые бы как раз безупречно исполняли свои обязанности и не допускали порочащих поступков. Вероятно, данная сторона проблемы дисциплинарной ответственности нуждается в серьезном исследовании.

Любая научная статья имеет ограниченные пределы, и невозможно не только решить все проблемные вопросы, но и даже обозначить их полный перечень. Соответственно, не являлись предметом рассмотрения положения, которые определенным образом нормативно урегулированы или разъяснены постановлениями высших судебных органов. Анализ практики привлечения к дисциплинарной ответственности также можно расширять, но главной задачей было показать уникальность самой ответственности и соотнести ее с принципом независимости судей.

Список литературы

1. Агеева Г.Е., Бурцев С.А. Дисциплинарная ответственность судей в общей системе юридической ответственности // Юридическая наука. – 2017. – № 1. – С. 95–102.
2. Клеандров М.И. Статус судьи: правовой и смежные компоненты / под ред. М.М. Славина. – Москва: НОРМА, 2008. – 448 с.
3. Аулов В.К., Туганов Ю.Н. Правовые проблемы дисциплинарной ответственности судей в Российской Федерации // Российский судья. – 2010. – № 2. – С. 10–15.
4. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: НОРМА, 2009. – 431 с.
5. Еремина С.Н. К вопросу отраслевой принадлежности дисциплинарной ответственности судей (трудоправовой аспект) // Административное право. – 2011. – № 2. – С. 63–72.
6. Крюкова В.В., Сорокалетова М.А. Дисциплинарная ответственность в трудовом праве как вид юридической ответственности: понятие и основные принципы // StudNet. – 2022. – № 6. – С. 6211–6217.
7. Еремина С.Н. Дисциплинарная ответственность судей через призму науки трудового права // Российский судья. – 2014. – № 2. – С. 32–38.
8. Жуйков В.М. О некоторых проблемах принципа независимости судей // Закон. – 2019. – № 10. – С. 130–132.
9. Щедрина Ю.В. Эволюция системы дисциплинарных взысканий, накладываемых на судей в России: историко-правовой аспект // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. – 2017. – Вып. 1. – С. 96–110.
10. Анциферова Л.А. Дисциплинарная ответственность судей: практика реализации // Глаголь правосудия. – 2015. – № 2. – С. 75–83.
11. Момотов В.В. Роль органов судейского сообщества в обеспечении независимости судей, эффективности и качества работы судейского корпуса, в утверждении авторитета судебной власти // Судья. – 2023. – № 10. – С. 15–21.
12. Алешикина С.А., Бурашникова Н.А., Васильчук Ю.В. Актуальные вопросы обеспечения и защиты публично-правовых интересов / отв. ред. Л.В. Туманова. – Москва: Проспект, 2023. – 344 с.
13. Рудаков С.В. Аспекты обеспечения независимости судебной власти // Судья. – 2023. – № 10. – С. 11–14.
14. Рудаков С.В. Этические границы поведения судей в социальных сетях // Судебная власть в современном обществе (Судья. Общество. Государство): сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н.А. Бурашникова. – Тамбов: Юлис, 2020. – С. 15–16.
15. Туманова Л.В. Обеспечение авторитета судебной власти и защита прав и законных интересов судей как двуединая задача Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации // Вестник Высшей квалификационной коллегии судей Российской Федерации. – 2022. – № 6. – С. 8–11.
16. Туманова Л.В., Кузбагаров А.Н., Ильина О.Ю. Роль адвоката в обеспечении эффективности судебной защиты: монография / под общ. ред. Л.В. Тумановой. – Москва: Проспект, 2023. – С. 70–77.
17. Туманова Л.В. Беспристрастность судьи: реальность и иллюзии // Судья. – 2022. – № 12. – С. 23–27.

References

1. Ageeva G.E., Burcev S.A. Disciplinarnaya otvetstvennost' sudej v obshchej sisteme yuridicheskoy otvetstvennosti // Yuridicheskaya nauka. – 2017. – № 1. – S. 95–102.
2. Kleandrov M.I. Status sud'i: pravovoj i smezhnye komponenty / pod red. M.M. Slavina. – Moskva: NORMA, 2008. – 448 s.
3. Aulov V.K., Tuganov Yu.N. Pravovye problemy disciplinarnoj otvetstvennosti sudej v Rossijskoj Federacii // Rossijskij sud'ya. – 2010. – № 2. – S. 10–15.
4. Vitruk N.V. Obshchaya teoriya yuridicheskoy otvetstvennosti. – 2-e izd., ispr. i dop. – Moskva: NORMA, 2009. – 431 s.
5. Eremina S.N. K voprosu otraslevoj prinadlezhnosti disciplinarnoj otvetstvennosti sudej (trudopravovoj aspekt) // Administrativnoe pravo. – 2011. – № 2. – S. 63–72.
6. Kryukova V.V., Sorokaletova M.A. Disciplinarnaya otvetstvennost' v trudovom prave kak vid yuridicheskoy otvetstvennosti: ponyatie i osnovnye principy // StudNet. – 2022. – № 6. – S. 6211–6217.

7. Eremina S.N. Disciplinarnaya otvetstvennost' sudej cherez prizmu nauki trudovogo prava // Rossijskij sud'ya. – 2014. – № 2. – S. 32–38.
8. Zhujkov V.M. O nekotoryh problemah principa nezavisimosti sudej // Zakon. – 2019. – № 10. – S. 130–132.
9. Shchedrina Yu.V. Evolyuciya sistemy disciplinarnyh vzyskanij, nakladyvaemyh na sudej v Rossii: istoriko-pravovoj aspekt // Istoriko-pravovye problemy: novyj rakurs. – 2017. – Vyp. 1. – S. 96–110.
10. Anciferova L.A. Disciplinarnaya otvetstvennost' sudej: praktika realizacii // Glagol' pravosudiya. – 2015. – № 2. – S. 75–83.
11. Momotov V.V. Rol' organov sudejskogo soobshchestva v obespechenii nezavisimosti sudej, effektivnosti i kachestva raboty sudejskogo korpusa, v utverzhenii avtoriteta sudebnoj vlasti // Sud'ya. – 2023. – № 10. – S. 15–21.
12. Aleshukina S.A., Burashnikova N.A., Vasil'chuk Yu.V. Aktual'nye voprosy obespecheniya i zashchity publichno-pravovyh interesov / otv. red. L.V. Tumanova. – Moskva: Prospekt, 2023. – 344 s.
13. Rudakov S.V. Aspekty obespecheniya nezavisimosti sudebnoj vlasti // Sud'ya. – 2023. – № 10. – S. 11–14.
14. Rudakov S.V. Eticheskie granicy povedeniya sudej v social'nyh setyah // Sudebnaya vlast' v sovremennom obshchestve (Sud'ya. Obshchestvo. Gosudarstvo): sb. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf. / otv. red. N.A. Burashnikova. – Tambov: Yulis, 2020. – S. 15–16.
15. Tumanova L.V. Obespechenie avtoriteta sudebnoj vlasti i zashchita prav i zakonnyh interesov sudej kak dvuedinaya zadacha Vysshej kvalifikacionnoj kollegii sudej Rossijskoj Federacii // Vestnik Vysshej kvalifikacionnoj kollegii sudej Rossijskoj Federacii. – 2022. – № 6. – S. 8–11.
16. Tumanova L.V., Kuzbagarov A.N., Il'ina O.Yu. Rol' advokata v obespechenii effektivnosti sudebnoj zashchity: monografiya / pod obshch. red. L.V. Tumanovoj. – Moskva: Prospekt, 2023. – S. 70–77.
17. Tumanova L.V. Bespristrastnost' sud'i: real'nost' i illyuzii // Sud'ya. – 2022. – № 12. – S. 23–27.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 4 (40)' 2023

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Голованова Е.В.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 16.12.2023.

Печ. л. 7,38. Усл.-печ. л. 6,9. Уч.-изд. л. 5,05.

Объем 1,19 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ 23-0079.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.